Л 1565
АН

БИБЛИОТЕЧКА
МОЛОДОГО РАБОЧЕГО
ДОНБАССА

П. СЕВЕРОВ

НАСЛЕДСТВО МАКАРА МАЗАЯ

СТАЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

Л565
44

ПЕТР СЕВЕРОВ

НАСЛЕДСТВО МАКАРА МАЗАЯ

СТАЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

ГОСУД. ПРОСВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
935332

Редактор А. ВИННИК.

БП—17663 Заказ № 6331 Тираж 7000 Об'ем 4 п. л.
Подписано к печати 8-XII-1947 г.

Типография № 3 Облполиграфиздата, г. Макеевка.

Во славу отчизны, родимого края,
Семья сталеваров не раз,
Учась у Мазая, творя и дерзая,
Трудом прославляет Донбасс...

Павел Беспощадный.
(Песня о Макаре Мазае)

1. СТАЛЬ.

Сталь... В жизни современного человечества трудно назвать более важный промышленный продукт. Он вошел в наш быт, как самая насущная необходимость, без которой нельзя представить ни современного города, ни села, ни транспорта, ни квартиры, ни шахты, ни завода.

Сталь... Это слово органически связано с историей нашего народа. Понятие о добыче железа уходит в нашу далекую седую старину. Еще скифы и племена, селившиеся по Днестру пользовались Уральским железом. Кроме того, скифы добывали железо из руды сегодняшнего Кривожья.

Сталь... На основании изучения археологических источников и древних летописей доказано, что Русь освоила добычу железа раньше чем Англия.

В XI веке англо-саксы были вооружены каменными топорами. Русские тогда уже, в борьбе с иноземными захватчиками, опирались на свою самобытную материальную культуру; в этой борьбе большую роль играли русские железодельцы-ковачи.

Русское железо на западе известно с древних времен. Даже в годы монголо-татарского нашествия русские металлические изделия не переставали итти в Западную Европу. Пытливый ум русского человека уже ко второй половине XVIII века создал уральские домны, величайшие и лучшие в то время в мире. Россия тогда была основным поставщиком железа для Англии. В 1798 году английские корабли перевезли из Петербурга к себе в Англию свыше 2.300.000 пудов русского железа.

С именами смелых русских новаторов тех времен связаны многие открытия техники. Только царствовавшие в России тупые сатрапы и их иностранные покровители не давали развернуться русскому народу; они боялись его, боялись светлого творческого ума русского народа, его смелости и силы. Боясь народа вельможи тянули вспять Россию к первобытному состоянию, укрепляли в России господство иностранных торгашей. Россия со всем своим богатством и народом отдавалась в рабство иностранным капиталистам, она становилась полуколонией. Не удивительно, что русский

народ преподавший Западной Европе уроки добывания металла, при содействии русских правительств сам был лишен металла и об'явлен отсталым, „азиатским" народом. Народ вынужден был долгое время пахать деревянной сохой, производить домотканную одежду, приспособиться во всем своем быту к использованию дерева вместо железа. А русское железо шло за границу и оттуда продавалось в Россию за золото. Даже косы привозились из-за границы, где изготовлялись из русского железа.

Сталь... Какой величественный путь прошла наша страна за годы Советской власти! Отсталая Россия превратилась в самую передовую индустриальную державу. Вместе с электричеством, книгой, радио, в наш быт крепко вошла сталь. Мы привыкли к ней также как к телефону или водопроводу или электроэнергии, летящей по проводам.

И мы не замечаем, что голос, слышимый в телефонной трубке, донесся по стальным проводам, что вода поднялась к нам на этаж по стальным трубам, что на электростанции, где рождается свет, также решающая работа поручена стали.

Стоит осмотреться вокруг, чтобы увидеть десятки вещей, сделанных из этого надежного металла. Дверной замок и лезвие бритвы, блестящая ручка патефона, его пружина и диск, и запонка в обшлаге вашего рукава, и электрический утюг, и ножницы, и колесико зажигалки,—да чего только не найдется под рукой, что не было бы сработано из стали! Ею подбиты ваши подметки и окованы каблуки, из нее пуговицы на вашей гимнастерке, а на фабрике она не раз прострочила ваш костюм....

Вот улица города. Она словно прокована сталью. Движутся автомашины... Их важнейшие детали—сталь. Проносится трамвай по стальной дороге,—сам соединение стальных частей. Строится новый дом—его каркас из стали. Высоко над крышами—сплетение антен—тоже сталь. Неподалеку вышка шахтного копра—строгий расчет стальных конструкций. Вращаются огромные шкивы и канат стремительно мчится в подземные глубины... Ему, этому канату, шахтеры ежедневно доверяют жизнь. Они спокойны. Канат сплетен из нитей стали, а сталь не подведет.

Наш век недаром называют стальным. Богатство, культура, могущество страны в известной мере определяются количеством производимой и потребляемой в ней стали. Однако, только в известной мере. Не сталь руководит людьми,

а люди управляют ею. Все дело в том, в чьих она находится руках.

В нашей, советской стране, где правит народ,—каждая новая тонна стали—приумножает богатство народа, зажиточность каждого из нас. Сталь—основа могущества нашей страны.

Гитлеровцы имели немало стали. Только наша оказалась крепче. Наша оказалась сильней. Чудесно, во сто крат возросла ее мощь, помноженная на силу советского патриотизма.

В грозные годы Отечественной войны враги не раз утверждали, что наши ресурсы на исходе. В военных ресурсах важнейшее—сталь. Однако они ошиблись. У нас хватило стали не только для того, чтобы вернуться к своим государственным границам. Хватило, чтобы вырвать Польшу из цепких немецких лап, чтобы освободить Чехословакию, Болгарию, Румынию, Венгрию, чтобы крепко помочь Югославии и в Австрии выжечь осиные гнезда. Хватило у нас стали, чтобы встряхнуть и поставить на колени густопсовый фашистский Берлин, и на многое еще хватило бы, а в случае необходимости—хватит на очень дальние дороги...

Мы недаром гордились цифрами сталинских пятилеток. Недаром трудились в Кузнецке, в Магнитогорске, в Донбассе... Даже наши дети знали имена лучших доменщиков, прокатчиков, сталеваров. Люди, творящие сталь, как будто все время были вместе с воинами на переднем крае. Они снабжали фронт. Они давали нашей армии могучие танки, снаряды, пушки. Кузнецкая, магнитогорская, донецкая сталь сотрясала вражеский Берлин. Не только подвигом наших бесстрашных воинов, но и подвигом тружеников, сталеваров, поднято победное знамя над рейхстагом.

Не чужой, не дареной, не купленой,—своей, отечественной сталью, верной рукам мастеров, советский народ защитил Родину в годину грозных испытаний. А сегодня воины вернулись в знакомые с детства заводские корпуса. И многое не узнали они на родных заводах.

Еще свежи следы бомбардировок, еще обрушены стены цехов, но уже работают мартены. Среди обломков железобетона, среди фантастических руин высятся могучие новые домны. Как будто родились они в пламени битв, восстанавливались, строились заново в огненном вихре сражений.

Да это так и было: в годы войны наши заводы не редко работали под огнем вражеской артиллерии; сами становились ареной боев, где сражение шло за каждый цех, за

каждый станок, за каждый метр земли и груду камня. Туда, откуда был изгнан немец, вслед за бойцом приходил строитель. Некоторые заводы еще находились за сотни километров от линии фронта, в глубоком вражеском тылу, но армия восстановителей уже была в пути; строители, монтажники, мастера плавок знали, как дороги каждый день и час, как нужны фронту прокат и броня. Вместе с передовыми, наступающими частями, они приходили на дымные руины, чтобы не только восстанавливать,—чтобы немедленно дать металл.

В предвоенные годы на наших металлургических гигантах выросло славное поколение металлургов, новаторов, мастеров стали. Теперь им предстояло суровое испытание,— невиданный масштаб работ. Потомственные доменщики, прокатчики, сталевары, — люди великанского, вдохновенного труда. Это огромное испытание они выдержали с честью. Снова днем и ночью дымят трубы гигантских донецких заводов. Зарева плавок вспыхивают в ночи. Это льются огненными потоками чугун и сталь. Завтра из этих медленно остывающих слитков, волей и искусством мастеров родятся новые мощные паровозы, тракторы, станки, новые мосты встанут над реками, новые дороги пролягут в бескрайних просторах страны.

Тысячи и тысячи прекрасных вещей, облегчающих труд, борьбу со стихией, разработку бесчисленных богатств земли,—уже заключены в этих тяжелых слитках стали, добытых в жарком труде.

Высок и радостен труд сталевара! Как будто не у знойных мартенов,— у бесценных живых родников, стоит он, мастер почетной профессии, познавший секреты рождения стали. В гуле проходящих поездов—отзвук его труда. В рокоте машин на колхозных полях—его энергия, сила и радость. В перезвоне молотков на новостройках, в громыхании врубовых машин в забоях, в тишине научных лабораторий, где пытливому взору ученого открываются еще неизведанные тайны материи,—везде он присутствует незримо, вдохновенный мастер плавки—сталевар.

Каждым советским человеком—тружеником полей, завода или шахты, чьи помыслы, чаяния, стремления безраздельно отданы народу, — не раз пережита волнующая радость новых открытий и достижений в труде. Такова воспитательная сила советского коллектива, и таковы законы социалистического государства, — в нем труд становится

творчеством, не просто затратой определенного количества энергии в определенные часы, — нет, он проникнут живой, беспокойной мыслью искателей, рационализаторов, изобретателей, сознанием значительности дела,—волнующим, творческим началом, в самом высоком смысле этого слова.

Завод становится школой, огромной школой жизни, воспитывающей творческих, высококультурных, целеустремленных тружеников-мастеров. Тот самый завод, где в прошлом, подобно репинским бурлакам, или каторжникам, прикованным к тачкам, проклинали свой мученический труд катали, где люди на прокатных станах валились от усталости, а у мартенов не выдерживали даже богатыри,— завод, который справедливо называли „Молохом", пожирающим человеческие жизни, — этот завод теперь превращается в школу не только для своего рабочего коллектива.

Таков каждый советский завод. Таков мариупольский завод имени Ильича. У его новаторов-сталеваров учатся все металлурги страны. Сюда приезжают уральские, кузнецкие мастера, сталевары с других донецких заводов,— есть чему поучиться у ильичевцев:—здесь варил сталь Макар Мазай.

Имя Макара Мазая широко известно даже за пределами нашей страны. Рядовой рабочий, он вырос в смелого новатора, в блестящего организатора производства,— он дал такие с'емы стали, каких не знал ни один зарубежный завод.

Мазай учился у старых мастеров, помнящих, когда воздвигались стены этих корпусов, когда закладывались здесь первые мартеновские печи. Однако позже он многому научил своих учителей. Его молодые ученики, сегодня—знатные сталевары, с успехом продолжают дело, начатое и утвержденное Мазаем, — они уже превысили казавшиеся предельными его показатели.

Творческая жизнь Макара Мазая неразрывно связана с Мариупольским заводом имени Ильича. Это один из старых донецких заводов. В 1946 году ему исполнилось полвека. Интересно заглянуть в прошлое этого металлургического гиганта, чтобы оценить не только рост его промышленной мощи, но и творческое развитие его людей, творящих сталь.

II. ЗАВОД У МОРЯ

Это было свыше полувека назад... В захолустном приморском городке, ничем не приметном среди других приазовских городов,—в пыльном, черепичном Мариуполе, на-

вещаемом только матросами с парусных шхун, да рыбаками из окрестных селений, — ждали прибытия важных гостей из Петербурга. Депеша, полученная еще за неделю до начала событий, всколыхнула весь город: купцов, торговцев, рыбопромышленников, чиновничий мир,—в каждой лавчонке, на каждом перекрестке обсуждалась эта волнующая новость, строились предположения и догадки.

Главное—в депеше не было указано, кто же именно едет. Как это издавна водится в таких случаях, появились самые противоречивые слухи. В купеческой среде поговаривали, будто едет богатейший человек России, сам Морозов, чтобы закупить всю рыбу на Приазовьи. Рыба сразу же повысилась в цене... Чиновники толковали, будто приезжает ни больше, ни меньше, как министр, для осмотра города и об'явления его губернским... Пристав ждал какого-то важного генерала. А преосвященный—самого митрополита.

В городок вступила необычная торжественная тишина.

В назначенный день и час на окраине, у Кальмиуса—реки выстроилась вся городская управа: градоправитель с хлебом и солью на серебряном подносе, рядом—полицмейстер, исправник, чиновники, что поважней, торговцы и купцы, что побогаче, — дальше — среднего достатка миряне, а еще дальше—прочая шушера...

Только гости не прибыли в указанное время. Ждали их час и два, и три,—солнце пекло немилосердно, жаркий степной ветер кружил известковую пыль, в мареве зноя зыбилось море... Отцы города в форменных, тесных мундирах, в длиннополых фраках, в крахмальных воротничках, вдоволь насладились собственным внушительным видом. Но даже терпение самого градоправителя, наконец, иссякло, он предложил решительно:

—А не освежиться ли нам, господа?

Торжественное шествие двинулось к морю, и полетели на песок фраки, мундиры, воротнички...

Тем временем мальчишки принесли странную весть: далеко за городом, на пустыре, в зарослях бурьяна и шиповника, замечены какие-то незнакомые люди, пестро одетые, с виду похожие на цыган. Что-то они ищут там, в бурьяне, или выжидают кого? Даже шалаш уже соорудили...

Проницательный полицмейстер сразу сообразил в чем дело. Он внимательно следил за уголовной хроникой, в ко-

торой было полно сообщений о тайных похищениях, смелых нападениях, грабежах... Ясно, что неизвестные, замаскировавшиеся под цыган, выслеживали едущую важную особу. Он тут же скомандовал полицейским:

—Арестовать! Вести под усиленным конвоем...

Торопливо оделся, вскочил на пролетку и, провожаемый напутственными возгласами, сам ринулся к месту столь необычного происшествия.

Уже на полпути к пустырю ему доложили, что неизвестные схвачены с поличным. У них обнаружено какое-то невиданное оружие, повидимому адские машины,—сложные никелированные штуковины, к которым и прикоснуться нельзя.

Велико было смущение полицмейстера, когда, грозно окинув взглядом толстого, холеного арестанта, повидимому, главаря, он потребовал документы и услышал ответ. Эти подозрительного вида люди и оказались долгожданными гостями. Их грозное оружие было лишь измерительными приборами. А в чемоданах нашлись и визитки, и фраки, и воротнички...

Что удивило хозяев города,—гости не интересовались ни пляжем, ни дачами, ни рыбными промыслами. Не было среди них ни генерала, ни митрополита, ни министра... Интересовал их порт, его глубина, причалы, и очень занимал дальний, поросший бурьяном пустырь.

Это первое знакомство с будущими хозяевами завода так и дошло до нас в виде анекдота. Интерес к приезжим вскоре остыл: городок так и оставался заштатным, рыба опять понизилась в цене, никого не снизили и не повысили в чине...

Только в городской управе наблюдалось некоторое оживление. Приезжие выторговывали пустырь, сразу назначив неслыханную цену. „Отцы города" тоже были не промах: раз предлагается высокая цена, нужно запрашивать втрое. Приводились различные доводы: и вид на море, и климат, и добрый чернозем... Сделка в конце-концов состоялась, сваты ударили по рукам, не поскупились на банкет, но лишь позже местные воротилы поняли, что не простые к ним прибыли купцы, что эта сделка меняет весь облик города, состав его населения, самый пульс жизни...

Откуда вдруг появилось такое множество мастеровых, перехожих сезонников, полуголодной, рваной голытьбы, обнищавших, жадных к работе крестьян? Шли они гуртами

по проселочным дорогам, медленно тащились на скрипучих возах,—харьковские, белгородские, черниговские, пензенские, тульские, костромские, — рыли землянки на склонах оврагов, ставили ветхие шалаши, а вокруг уже появились мелкие лавчонки, пела тоскливо гармоника в корчме, стлался густой пеленой дым от костров...

На строительных площадках с утра и до вечера звенели топоры плотников; каменщики возводили первые стены будущих корпусов, разгружались составы с кирпичом и лесом, океанские корабли в порту выгружали ящики с оборудованием, части под'емных кранов и станков.

Этот беспокойный человеческий муравейник получил название: „Никополь-Мариупольского Горного и Металлургического Общества", название, которое раскрывало его задачу и цель. Общество строило металлургический завод в расчете на никопольские марганцевые руды, располагая по тому времени огромным капиталом, так как заранее получило от министерства путей сообщения очень крупный аванс.

Почему его выбор пал именно на Мариуполь? Мариупольский порт уже в то время был самым крупным на Азовском море, сюда могли входить большого тоннажа корабли, а морские перевозки значительно дешевле железнодорожных. На Кавказе, между Баку и Батуми начиналась постройка нефтепровода. Первый заказ общество получило на трубы. Доставлять их морем намного выгодней, чем по частным железным дорогам. Кроме того, в Керчи были открыты залежи руд,—снова расчет на морской транспорт. Наконец, еще одно решающее обстоятельство: донецкий уголь был под рукой. Мариуполь становился металлургическим центром Юга. Здесь нашлись и квалифицированные металлурги. Еще в семидесятых годах был сооружен Юзовский завод и вскоре построен Сулинский,—переманить оттуда часть рабочих не составляло особого труда.

Для сбыта металлургической продукции Россия представляла поистине ненасытный рынок. Строилась величайшая в мире Транссибирская железнодорожная магистраль. Открывались фабрики. Закладывались шахты. Бесчисленны были в сумме своей запросы крестьянских хозяйств. Требовал железа и стали речной и морской транспорт. Неудивительно, что к этому величайшему рынку сразу же протянул руки заграничный капитал. Рядом с первым заводом, где хозяйничали американцы, откупил участок земли соз-

данный за границей „Русский Провиданс“—бельгийские и французские капиталисты. В 1897 году они начали постройку второго завода. Американцы решили монополизировать трубное производство, французы и бельгийцы—производство рельс, балок, сортового железа. Недоверчиво посматривали на суетливых иностранцев русские богатеи-миллионеры: дело, дескать новое, семь раз не отмерив, нельзя капиталом рисковать.

А иностранцы с каждым годом все больше осваивались в чужой стране, их прибыль ежемесячно возрастала.

В „Развитии капитализма в России“ В. И. Ленин писал о промышленных районах Юга.

„Южный район горнопромышленности представляет из себя во многих отношениях диаметральную противоположность Уралу. Насколько Урал стар и господствующие на Урале порядки „освещены веками“, настолько Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения. В южную Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху горячки (1898 г.) туда перевозятся из Америки целые заводы. Международный капитал не затруднился переселиться внутрь таможенной стены и устроиться на „чужой почве“: „Где хорошо, там и отечество“.

Перед нами обыкновенный, старый бланк завода с официальной публикацией акций „Русского Провиданса“: Приводим подписи:

„Состав правления: председатель правления г. Делян, товарищ председателя г. Дарси; члены правления: граф де-Торн, Верунг, Лион, Эмбер, Генэн и Зиан“.

Всем этим господам генэнам и зианам неплохо жилось на русской земле. Старые рабочие рассказывают, что не только приблизиться к дому директора, но даже пройти по улице, на которой он жил, рабочему строжайше запрещалось.

Каждую субботу господа зианы устраивали шумные балы и маскарады, катания на яхтах, где заключались тысячные пари и вина лились рекой. А у мартенов люди работали по 12—18 часов, и звереподобный обер-мастер бельгиец Бурле раздавал пинки и зуботычины, а падавших без сознания приказывал отливать ледяной водой.

На 14.000 рабочих завода имелась одна больница с восемнадцатью койками. В трех школах обучалось не более 300 детей, конечно, со строгим отбором, главным образом —дети хозяйских прислужников—мастеров. Рабочим не полагалось ни отпусков, ни пособий по болезни. Горновой, например, за 12 часов работы получал 1 р. 35 к. Для литейного двора люди таскали в мешках за полтора километра песок и глину. Так изо дня в день. Малейшая оплошность, и мастер наказывал штрафом или посылал к начальству повыше. Что это значило—рабочие хорошо знали.

С утра и до вечера у ворот толпились безработные, их называли „тиграми", на место одного уволенного немедленно находилось десять.

Назначенный директором трубного завода американец Генрих Лауд, молодой инженер-недоучка, высокомерный и хамоватый, чувствовавший себя чуть ли не королем, применил свои, американские меры взысканий. Он не кричал, не топал ногами, даже к штрафам не прибегал. За малейшую оплошность на производстве он немедленно предоставлял „отпуск". Это означало выселение из жалкой лачуги, голодные скитания в поисках работы. Как о помиловании, случалось, просили его женщины, дети, старики—о возвращении кормильца семьи на производство,—американец равнодушно покуривал сигарету, иногда ласково улыбался, просьбы, конечно, оставлял без последствий, только цедил сквозь зубы:

— Дикари...

А между тем, в трубном цехе мастеров нередко удивляли его нелепые распоряжения. Напрасно увольнял он лучших рабочих. Брак возрастал, продукция начинала давать убыток...

Нашелся в конце-концов среди рабочих смелый человек. Он по-простому сказал американцу:

— Ты, господин хороший, лучше не лезь. Сами наладим дело, срок испытательный можешь установить...

Лауд махнул рукой и с этого времени больше занимался крокетом. А цех улучшал работу с каждым днем. Вскоре он стал самым прибыльным цехом. За счет его работы фактически существовал весь завод. Скромные труженики, наши мастеровые, быстро освоили незнакомое, сложное дело.

Это были первые донецкие мастера прокатки и мартена, положившие основание целому поколению металлургов, делами, трудовым подвигом которых ныне славен Донбасс.

Мы вспоминаем о тех далеких городах, чтобы проследить за постепенным сплочением рабочего коллектива, за тем, в каких условиях росли и крепли его основные кадры, как назревало в них революционное самосознание, как проявлялась и наростала революционная борьба.

Полвека—немалый срок, и если сегодня первоклассный металлургический гигант по праву гордится пройденным трудовым путем, революционерами производства, своими новаторами-мастерами,—интересно заглянуть в прошлое, чтобы сравнить его с сегодняшним днем.

Уже в 1899 году оба завода охватывает забастовка. Хозяева резко снизили и без того жалкую зарплату. Впервые они увидели, какую грозную силу представлял многотысячный рабочий коллектив. Полиция бежала с завода. Из Екатеринослава срочно прибыла казачья воинская часть. У главной конторы казаки застали пришедшую для переговоров с директором толпу.

Команда... и грохочет залп, и падают убитые, и пыльный булыжник мостовой впервые окрашивается кровью. Всю ночь происходят облавы. Сотни рабочих об'явлены уволенными. Десятки брошены в тюрьмы, сосланы в Сибирь. Хозяева показали свою жесткую руку. Но и рабочие поняли, что нужно совсем по-иному вести разговор.

Уже в первые годы после окончания строительства обоих заводов в стране разразился промышленный кризис. Окончена постройка Сибирской магистрали. Попрежнему строится за границей флот. Только помещичьи хозяйства в силах приобретать стальные плуги, миллионы крестьянских хозяйств обходятся деревянной сохой. Прекратились заказы с нефтепровода. Создается странное положение: в стране, где дорог каждый килограмм металла, некому покупать металл.

Заводы выбрасывают на улицу тысячи безработных. На Мариупольском заводе „А“ останавливается домна. Вскоре снимаются сортовые станы. Завод „Б“ переходит в ведение особой администрации, как неоплатный должник. Хозяева рассматривают кризис как стихийное бедствие. Не помогают ни молебни, ни огромные ассигнования банка. Впервые с такой убедительной, грозной силой бесплановое хозяйство обнаруживает свою несостоятельность и непрочность.

Сдержанная, подавленная жандармами революционная энергия рабочих прорывается в летучих митингах, в призывах к свержению самодержавия, в листовках и проклама-

циях РСДРП... Осенью 1905 года красное знамя взвивается над заводом. Бесконечные колонны рабочих движутся в город. Снова появляются казаки. Демонстранты встречают их градом камней. Казаки растерялись... Нет, это уже не тот народ, что был в 1899 году!

В действие вступают провокаторы из „черной сотни": начинаются погромы, грабежи. Рабочие дружины вылавливают черносотенцев. Но провокаторов поддерживают жандармы. Прибывают новые подкрепления. Начинается расправа—ссылки, расстрелы, массовые суды...

Загнанные в глубокое подполье, кружки РСДРП не прекращают революционной деятельности.

Не спит и охранка. Тщательно выслеживает она революционно настроенных рабочих. Все новые обыски, аресты, ссылки в Сибирь... В ночь на Первое мая 1916 года красное знамя опять взмывает над заводом. Ни на один день теперь не стихает борьба. Арестованных революционеров сменяют их товарищи. Рабочие открыто выступают против империалистической войны. 10 сентября 1917 года большевики получают на выборах в Совет подавляющее большинство.

На заводе вскоре создаются отряды Красной гвардии, они разоружают бело-казачий полк, организуют охрану завода, мостов, дороги, готовятся к боям с контрреволюцией, с войсками немецких оккупантов, вторгшимися на Украину.

В боях под Екатеринославом, под Рыбницей, на станции Слободка красногвардейские отряды ильичевцев проявляют подлинный революционный героизм.

В годы немецкой оккупации и гражданской войны огромные испытания выпали на долю мариупольских металлургов. Продажные украинские националисты, помогая белогвардейскому генералу Шербачеву, организуют предательское вооруженное выступление, убивают из-за угла большевистских депутатов Совета. Генерал Шербачев публично расстреливает целые группы большевиков, активистов, красногвардейцев.

Немецкие оккупанты, занявшие завод в апреле 1918 года, расстреливают каждого, кто заподозрен в сочувствии большевикам. Одновременно они начинают организованный грабеж: вывозят лом, цветные металлы, рельсы, трубы, станки. И снова им помогают украинские националисты, всегда готовые лизать сапог грабителя и палача. Немцев сменяют белогвардейцы. Свирепствует контрразведка. На виселицах гибнут лучшие люди завода.

В январе 1920 года победоносная Красная Армия выбивает из Мариуполя беляков...

Это лишь краткий перечень событий и дат, полных непрерывной, неустрашимой борьбы, верности всего рабочего коллектива делу революции, делу великой партии большевиков.

Рабочий коллектив завода был теперь не случайно собравшимся пестрым людом, не разрозненными группами сезонников-земляков,—с судьбой завода была неразрывно связана судьба каждой семьи, а каждая тонна добытого металла, каждая балка, конструкция, просто лист железа, — укрепляли великую революционную победу. У руководства заводом отныне стояли не плутоватые хозяйчики, не заграничные охотники за „длинным рублем",—огромным предприятием руководил теперь сам народ, наиболее испытанные мастера, организаторы, коммунисты.

В 1921 году в строй вступает мартеновский цех № 2, вслед за ним, в том же году—листопрокатный. Одновременно ведутся реконструктивные и строительные работы. В 1924 году уже действует листопрокатный № 7. В 1925 г.—мартеновский № 1. К концу года он работает всеми шестью мощными печами. Через два года задута домна № 1 производительностью 350 тонн в сутки. Вслед за нею пущена домна № 2, дающая ежесуточно 300 тонн металла. Все более широким фронтом идут работы: на заводе „Б" вводятся еще три мартеновских печи и два сортовых стана, сталелитейный цех. В годы сталинских пятилеток вырастают листоотделочный цех, цехи-гиганты „П", „Т", „М".

Не думали, не гадали заморские „гости", первые хозяйчики-акционеры, что на месте их прибыльного, полукустарного „дела", предназначенного для легких барышей,—встанет такая металлургическая громадина,—стальной арсенал великой социалистической державы.

Многому научились доменщики, сталевары, прокатчики завода за долгие десятилетия труда, но только теперь, когда не кучке частных хозяев, а трудовому народу, им самим, стали принадлежать эти гигантские цехи,—в рабочих бригадах, у каждого агрегата проснулась такая пытливая, страстная, творческая мысль.

На заводе стали известны имена изобретателей, рационализаторов, новаторов производства, людей, вдохновленных единой мыслью: ускорить, усовершенствовать и облегчить производственный процесс.

Вместе с колоссальным ростом завода ежедневно вырастал, пополнялся, в основном за счет молодых рабочих, его коллектив. Новые люди становились к мартенам, к громадным и сложным прокатным станам, в подсобные цехи, к многочисленным и разнообразным станкам. Они не просто зачислялись в штат. Нельзя оставаться равнодушным, когда вокруг кипит такая созидательная жизнь.

Уже за две пятилетки стал совершенно неузнаваемым некогда пыльный и грязный поселок металлургов. Для рабочих было построено свыше 9.000 просторных и светлых домов,—при каждом из них—сад, цветник. Трамвайная линия соединила завод с городом. Открылись четыре школы десятилетки, четыре — семилетки, металлургический институт. Вместо прежних „иллюзионов", где демонстрировалась всякая уголовная халтура, вместо самого людного „заведения" — кабака на заводе открылись два рабочих клуба им. Ленина и им. Карла Маркса, клуб для инженерно-технических работников, клуб пионеров, пять периферийных клубов, три кинотеатра, 70 красных уголков. Открылись две больших библиотеки и пять периферийных библиотек. Были построены больница, водолечебница, поликлиника, ряд амбулаторий. Завод построил собственный дом отдыха в живописной местности, на берегу моря. Так из железного чудовища, каким представлялся раньше завод не только новичкам, но и кадровым рабочим,—он превратился в культурный центр, в большую школу для многих тысяч рабочих. Новичков здесь захватывал общий творческий порыв. Проходило какое-то время и робкие „сезонники" становились кадровиками, они выростали в организаторов гигантского производства.

Испытанный в революционной борьбе, хранящий славные ее традиции, коллектив ильичевцев воспитывал из этих людей честных, пытливых тружеников, искателей, патриотов.

У этих мартенов, в цехе, озаренном пламенем плавок, творчески вырос и совершил свой трудовой подвиг человек, чье имя стало известно всей стране, память о ком навсегда сохранится его друзьями,—Макар Мазай.

III. НАЧАЛО ПУТИ

Он пришел на завод из дальней кубанской станицы, из батрачьей семьи, в 1930 году. Малограмотный деревенский парнишка, с десятилетнего возраста работавший то пастухом, то конюхом, то косарем у кулаков,—давно уже мечтал он о самостоятельной жизни. Позади остались годы

не детского, изнурительного труда, беспризорные скитания по железным дорогам, последняя печальная встреча с матерью, когда, возвратясь из „странствий", оборванный, босой, он увидел, как дрогнули ее губы и затуманились слезами глаза...

А ведь уходил он из дому не из простого озорства. Не видел тогда Макар другой дороги. Оставаться в станице, значит, попрежнему гнуть спину у „благодетеля"—Черныша, а этот „благодетель" недаром славился своим свирепым нравом далеко за пределами станицы.

Вырос Макар в бедной, безземельной семье, в начальную школу ходил только полтора года, кое-как научился читать и писать, а на большее не мог рассчитывать: нужно было работать, солдатке-матери помогать. Мать была одинока; в 1919 году, возле станицы Прохладной, белые зарубили красноармейца Мазая—отца Макара. Знал кулак Черныш, какого племени Макар, поэтому и вымещал на нем бессильную злобу. В дальней глухой станице малым был мир подростка. Может, просто остался Макар непримеченным в родном селе, может, не знал к кому постучаться, а только теперь, после долгих скитаний, нелегко ему было переступить родной порог, таким виноватым чувствовал себя Макар.

Не спрашивала, не докоряла мать,—с первого взгляда она поняла и смущение, и задумчивость сына. Ни о чем не допытывался и младший братишка, но когда они остались вдвоем, он спросил открыто.

—Вот ты попробовал легкой жизни... Разве можно так жить?

И Макар не нашел, что ответить. Вечером к брату пришли товарищи, все—комсомольцы; неузнаваемо выросли они за истекшие два года. Что поразило Макара—та деловитость и серьезность, с какой обсуждали они сельские дела, чувствуя себя здесь полными хозяевами. Он невольно подумал, что начинает отставать. Пожалуй, впервые почувствовал он себя так, до обидного неловко: в самом деле, кто же мешал ему вместе с ними работать, строить, тоже увлечься большими и новыми делами, которыми теперь жила здесь каждая семья?

Он рассказал им о себе, о прошлом, о том, как часто вставал перед ним вопрос: кем будет он в жизни, чем будет жить? Синеглазый парнишка, оказавшийся секретарем комсомольской ячейки, ответил с веселой уверенностью:

—А ведь это очень просто, Макарка! Хочешь быть инженером—будь им. Хочешь стать профессором, летчиком, капитаном,—стань. Никто не помешает. А помочь—всегда поможет советская власть...

Он остался в станице. Ему поручали сначала малые дела: то работу в пекарне, то в сельскохозяйственном товариществе. К любому заданию он относился по-хозяйски, деловито, сосредоточенно и серьезно, будто все время проходил испытательный срок. Как-то, возвращаясь со степи с комсомольским секретарем, он спросил, отвлекаясь от начатого разговора:

—А скажи-ка, Василий, какая есть работа, чтоб самая важная была, самая нужная и большая?

Секретарь ответил, что много таких работ, и каждая нужна, если приносит она хотя бы малую пользу.

—Нет, ты меня не понял,—сказал Макар.—Можно, конечно, веники плести, только уж это для стариков,—тут силы и сметки немного нужно. А вот если чувствуешь ты силу, как будто горы можешь сдвинуть,—выходит, что веник тебя не устраивает. Я, понимаешь, все время жалею об одном: мало учился. А ведь может инженером стал бы, новые дороги строил бы, мосты... Что ж, теперь уж поздновато, все-таки—двадцать лет. Неудобно недоучкой с малышами на одной парте сидеть... И как ты не смейся, а времени жаль. Я о такой работе мечтаю, чтоб пользы не меньше, чем инженерная давала.

Секретарь улыбнулся:

—Ну и что же? Такую работу ты подыскал?

—Да,—сказал Макар уверенно.—Есть такая работа. Вот только сегодня мы говорили: стали, железа нехватает в нашем селе... Да в одном ли нашем? Тянет меня на завод, Василий,—издали я его видел,—жаркая махина дымится, гул, звон. Там делают сталь. Великое дело! Недаром и слова такие гордые: мастер стали.

Быть может, рассуждения Макара показались наивными секретарю. Он заметил с усмешкой:

—Слово гордое, нет спору. Однако на мастера учатся не год, и не два. Вот, скажем, прийдешь ты сегодня на завод, и что ты скажешь? Хочу быть сталеваром?

—А что же здесь смешного?—удивился Макар.—Так и скажу: хочу быть сталеваром. Пусть кому не нравится посмеется. Вспомни, ты сам говорил хочешь быть инженером, профессором, капитаном—будь им.

— Значит, это решено?—спросил Василий.

— Решено,—сказал Макар.

Василий протянул ему руку:

— Ты парень упорный. Захочешь —добьешься... Желаю счастья, Макар.

Сборы в дорогу были недолги: котомку с запасом сухарей за плечи, и в путь. Он покидал станицу не один, с четырьмя товарищами, тоже увлеченными мечтой о мастерстве, которой не раз делился с ними Мазай.

Несколькими годами позже, вспоминая в книге „Записки сталевара" свои первые впечатления о заводе, Макар Мазай писал:

„С первого дня работы в мартеновском цехе во мне боролись два чувства—страх и любопытство. Мне было жутковато, когда по цеху проезжал ковш, наполненный жидкой сталью, но я, как очарованный, смотрел, как выпускали сталь, как ее разливали в изложницы. Бывало, засмотришься на это феерическое зрелище и забудешь, что ты в цехе..."

Макар Мазай был романтичным человеком, мечтательным, увлеченным. Однако эта мечтательность не была отвлеченной или беспредметной. Он увидел не только феерическое зрелище плавки, но понял, какой сложной, требующей большого навыка и познаний, является профессия сталевара.

Уже на следующий день четыре его товарища не вышли в смену. Казалось, их просто напугал огнедышащий цех. Сталевары шутили:

— Ну что, станичники, обожглись? Этот завтра тоже завяжет котомку...

—Нет, сказал Макар.—Я не уйду.

Он твердо решил остаться на заводе. Не сразу же привыкли эти люди, работающие у мартенов, к ослепительным, знойным печам! Наверное, сначала им тоже было не так-то все здесь просто и легко. Нужно сосредоточить волю, привыкнуть, осмотреться, крепко поучиться у мастеров.

Сталевар Махортов, спокойный, рассудительный, приветливый человек, в первую смену молча присматривавшийся к Макару, на другой день встретил его, как старого друга.

— Ты, парень, оправдал мою надежду. Тут между нами спор завязался: останется „станичник" или уйдет? Вчера я к тебе присмотрелся: вижу — робеешь, а жадность к делу, любопытство имеется. Нет, говорю, этот с характером,

освоится, осмелеет. Пока по-моему выходит, а дальше увидим...

Они пошли вдоль цеха и Махортов подробно рассказал Макару о сложных процессах, происходящих в печи, о правилах технической безопасности, раз'яснил обязанности подручного и, в заключение, неожиданно спросил:

— А как тебе представлялась раньше добыча металла?

Макар ответил смущенно:

— Я думал, что пласт такой железный в земле лежит. Тут, на заводе готовые куски куют да плавят...

Махортов засмеялся:

— Здорово, Макар! Это вроде одного „специалиста"— кулинара,—он был уверен, что сыр добывается из вареников...

В тот день они подружились. Махортову понравился деревенский парнишка с открытым характером, прямотой, жадным интересом к работе цеха. Понравилась даже его наивность. Макар спросил:

— Сколько дней понадобится, пока мне самому позволят варить сталь?

— Быстро шагаешь, паренек,—сказал Махортов. — Раньше, бывало, за двадцать, за тридцать годиков человек добирался до этого поста. Тебе сейчас сколько, двадцать? Ну, вот, присмотрись к сталеварам,—моложе сорока лет не встретишь...

И удивили и опечалили Макара эти слова. В далекой станице все представлялось ему значительно проще. За сроки, которые назвал Махортов, пожалуй, четыре раза можно выучиться на инженера. Однако люди, варившие сталь, насколько заметил это Мазай, не отличались особой грамотностью. Среди стариков находились даже такие, что никогда не заглядывали в технические справочники и как будто гордились этим. Они называли себя „потомственными". А „потомственных" некогда отцы учили определять качество металла по цвету, по дымке, „по плевку"...

Даже прославленный мастер Шашкин, талантливый организатор и лучший сталевар завода, обычно больше надеялся на свое профессиональное чутье, очень редко обращаясь к специальным книгам. У Макара не спроста создавалось впечатление, будто искусство сталевара—это особый, счастливый дар. Мастер цеха Иван Семенович Боровлев скоро, впрочем, рассеял впечатления Мазая.

— Многие наши „потомственные", — сказал он, — работают по-старинке. То, что передано им отцами по наследст-

ву—практика, дело, конечно, важное и ценное. Но первые сталевары были неграмотными людьми поневоле, не ради особого „шика" или „хвастовства". Просто не было школ и не было средств учиться. Они завещали свой опыт. За это наследство—честь им и хвала. Но разве они завещали и неграмотность? Нет, такое „наследство" нам не нужно.

Макар не изменил своему решению: он остался на заводе прочно, навсегда. Трудны были первая неделя, первый месяц. Но постепенно совершенно исчезла боязнь огня. Стал с начала и до конца понятным производственный процесс и четко обозначилось его особое место в этом процессе, — во многом оно определялось чувством времени, напряжением всех сил в решающие минуты.

Выплавка стали на заводе значительно возростала и старых, с многолетним опытом сталеваров теперь оказывалось недостаточно. Многие задавали вопрос: неужели нужен десяти-пятнадцатилетний срок, чтобы рядовой рабочий выучился на сталевара? Не слишком ли много значения придавали старые мастера давным-давно установившемуся порядку? С директором завода, с главным инженером первыми заговорили об этом комсомольцы. Они предложили создать на одной из печей комсомольский коллектив. Макар был немало обескуражен, когда при обсуждении кандидатуры сталевара, кто-то назвал его имя...

Только недавно исполнилось два года его работы у мартенов, и вот он—сталевар! Старики пожалуй, вдоволь посмеются. Что же остается? Отказаться? Это еще хуже—скажут: струсил. В течение этих лет Макар непрерывно и настойчиво изучал производственный процесс. Он был уверен, что справится с делом, и одного побаивался,—не ответственности за печь,—насмешки стариков. Еще в первые дни их знакомства мастер Махортов говорил, что профессия сталевара требует кроме всего, смелости. У Макара хватает смелости принять на себя ответственность за печь. Разве не хватит выдержки перед старыми мастерами? Прав был синеглазый секретарь: хочешь добиться—добейся!

В сентябре 1932 года он впервые становится на вахту у мартеновской печи. Первая плавка... Это осуществилась мечта Макара. Выдана сталь отличного качества. Дружно и слаженно работает молодая бригада. Молча, удивленно поглядывают старики.

Возвратясь домой, почти всю ночь не может уснуть Макар... Так ли он действовал? Правильно ли распоряжался?

Начальник смены сказал:—Браво, ребята, молодцы!—Не часто можно было услышать от него похвальное слово. Значит, молодая бригада себя оправдала. Завтра они дадут такую же плавку. Главное, не допустить ни малейшей оплошности, действовать уверенно, рассчитано, быстро, с учетом каждой минуты, как действует бригада Шашкина, лучшего сталевара.

Первое, решающее испытание,—и такая удача,—кажется, теперь бы уснуть спокойным и радостным сном, но сама эта радость и не дает покоя. Давно ли это было,—скитался он в Ростове, в Нахичевани, по приазовским станицам, на пристанях Таганрога? Когда у него спрашивали: чем занимаешься? Он не знал, что ответить. Как он ответит теперь? Он скажет:—Делаю сталь...

Интересно, как будет использована первая его плавка? Может быть, сделают рельсы и будут долгие годы проноситься по этим рельсам поезда... Может, на прокатном стане, на огромном „Маннесмане" превратится она в трубы, и уйдут эти трубы глубоко в землю, к нефтеносным пластам... А может и так случиться: выкуют из нее плуги, могучие плуги на силу тракторов, и скажет друг Василий в далекой станице:

—Добрая сталь, товарищи!...Не наш ли Макарка ее варил?

Сильное, гордое чувство, испытанное им в тот день, навсегда оставило свой отблеск в Макаре.

Однако работа бригады ладилась лишь первые дни. Теперь Мазай почувствовал, что казавшийся размеренным и плавным производственный процесс как будто лихорадит временами. Нехватало кранов, завалочная машина не успевала загружать все печи, рабочих переводили из бригады в бригаду. Случалось, плавки оставались в печах свыше двенадцати часов. Суетились и нервничали даже старые мастера. Появлялось множество непредвиденной, лишней работы. И хотя, как самое близкое, личное дело переживал эту производственную „лихорадку" Макар, не обошлось в его бригаде без промахов.

Случилось, что плавка просидела в печи около 16 часов. Затем на четыре часа затянулась завалка шихты... Молодой начальник смены Моисеев, человек горячо, страстно преданный делу, всегда относившийся к Макару дружески, тепло, сказал, не скрывая обиды:

—Жаль... Мне очень жаль, Макар... Однако тебя придется снять с работы.

Мазай хорошо знал молодого начальника смены и, думая о его житейском пути, подчас не только удивлялся энергии, настойчивости Моисеева, но и завидовал ему.

Сын старого кадровика Моисеев уже в 17 лет работал горновым на домне, потом был переведен на мартен, где проявил знания и способности и, главное, неутомимую энергию организатора. Пост начальника смены—высокий и ответственный пост. Если его доверили молодому мастеру, значит, это доверие он действительно заслужил. Поглощенный делами цеха, как будто окончательно забывший свою квартиру и переселившийся на завод, Моисеев, оказывается, успевал еще и учиться. Он был студентом металлургического института. Макар узнал, что учился Моисеев на отлично. Можно было позавидовать этому человеку! Но именно этот человек, у которого многому хотел бы поучиться Макар, дружбой с которым гордился, повторил в присутствии всей бригады, в присутствии старых мастеров:

—Снять с работы...

Все-таки, оказывалось, что старики правы. Слишком понадеялся молодой сталевар на свои силы. А тут еще произошел совсем анекдотический случай: Макару передали заказ на плавку и начальник сказал:

—Прочтите своей бригаде вслух...

Мазай хотел было подождать, пока уйдет беспокойный этот начальник, но тот не уходил, сам приготовился слушать. Долго рассматривал Макар и разглаживал на ладони четвертушку бумаги, поворачивал ее так и этак, а когда начал читать, сбился на первом слове, покраснел, рукой махнул:

— Да к чему этот экзамен устраивать? Сами знаем, какую сталь варить...

Здесь были люди и из других бригад. Кто-то из них спросил:

— Как же ты „профессор", других учишь, если сам, будто коза на афишу смотришь на заказ?

Макар молчал, он ждал, что скажет Моисеев,—почему-то его упрека или насмешки он особенно боялся. Моисеев, однако, ничего не сказал. Он только взглянул на Мазая несколько удивленно, и тут же отвлекся каким-то делом.

По окончании смены они встретились у заводских ворот. Макару подумалось: Моисеев оказался здесь не случайно. Неужели он ждал его? Только что грозил увольнением, а теперь ждал?

Начальник смены заговорил первый:

— Ты извини меня, Макар, я, кажется, погорячился... Но я и самого себя подчас готов обругать, что не везде поспеваю. Стыдно и больно становится: мы, ведущий цех гигант—срываем план... Кто виноват?—Мастер? Начальник смены? Проще простого, конечно, другого третьего виновника отыскать. А виноваты я и ты... Цех—это наше с тобой хозяйство, и значит, плохие мы с тобой хозяева.

Макар не чувствовал за собой вины:

— Сегодня скрапу не было,—сказал он.—Может и в этом я виноват?

Моисеев удивился:

— А кто же? Или ты ждешь, пока тебе „создадут условия"? Нет, братец, их нужно добывать, эти условия. Нельзя оставаться равнодушным... Ведь если бы загорелся, скажем, соседний цех, пошел бы ты тушить? Или сказал бы: не у нас горит, пускай себе сами тушат?

— Есть старше меня начальники, — сказал Макар, начиная, однако, понимать, что не прав.—Есть, наконец, директор...

— А мы-то кто с тобой?—прервал его Моисеев. — Каждый наш рабочий отчасти директор. Это очень важная, великая вещь директорское чувство! Ты не был сталеваром, —стал им...

— Нет, вернее был им, — заметил Макар. — Был до этого дня...

Моисеев усмехнулся, потом сказал серьезно:

— Снять человека с работы—дело легкое и простое. Если он без огонька человек, если равнодушный,—снять его необходимо и срочно. Пусть ищет дело по характеру. А у тебя—настоящая хватка, Макар. Спрашивается, что же нужно? Выше на ступеньку подняться нужно, с директорским пристрастием на дело взглянуть.

Они говорили в тот вечер долго, и Макар не заметил, как прошла его настороженность, опасение начальственного тона Моисеева, — тона, в котором он угадывал обычно покровительственные нотки, как бы сознание своего преимущества. Нет, в разговоре с Моисеевым не было этих помех. Открыто и прямо, посмеиваясь над собственными оплошностями, Моисеев рассказывал о себе. Что их так сблизило в этот вечер? Они решали одну задачу, в сравнении с которой ничтожно малыми и смешными могли показаться личные трения и обиды. Моисеев хорошо это понимал. Те-

перь это понял и Макар. И словно сознание огромной вины, его поразила вдруг мысль, которой, быть может, из вежливой осторожности не коснулся Моисеев. Макар сказал себе: я — неграмотный! Он подумал, что это, действительно, звучит дико. Неграмотный сталевар! — это ведь не „холодный сапожник“ на базаре. Это—труженик огромного индустриального предприятия, и не какой-нибудь третьестепенной профессии, а один из руководителей главных, ведущих агрегатов.

В общежитии как-то неожиданно завязался на эту же тему разговор. Макар сказал, не скрывая обиды:

Поздновато мы, хлопцы, спохватились. Правда, дельная это штука, букварь, однако, поздно...

Он ждал сочувствия, но над ним посмеялись. Оказывается, у „хлопцев“ были и книги и газеты. Одни посещали профтехкурсы, другие—кружки. Как будто с малого начиналось это неотразимое действие завода: он становился школой для новичков.

Ученик слесаря, Никита Карасев, по кличке просто „Карась“, — веснущатый, с огненным чубом паренек, танцор и мастер рассказывать веселые истории, которого если и считал Макар на что-либо способным, так только на танцы, — вдруг начал называть фамилии, десятки фамилий рабочих, ставших инженерами.

— Погоди, Карась, — насмешливо остановил его Макар. —А сам ты не собираешься ли стать инженером?

Никита не расслышал насмешки:

—Собираюсь. И увидишь—обязательно инженером стану.

Макар ударил по столу кулаком:

— Ладно!.. Давай попробуем. Кто кого?...

— Подумайте! — прервал его Карась, насмешливо щуря глаза.—Он еще говорит мне: „кто кого“!...

Макар разозлился:

— Чорта с два ты меня обгонишь. И помалкивай. Я, знаешь, шуток не люблю.

Карась осмотрел его могучие плечи.

— Я, собственно, не спорю. Был бы я педагогом, заранее поставил бы вам пятерку.

Уже в 1933 году, окончив профтехкурсы, Макар учился на заочных курсах для сталеваров при Днепропетровском горном институте.

IV. ПОДВИГ МАКАРА МАЗАЯ

Вспоминая те первые дни работы у мартенов, Макар смеялся и опасениям своим, и той боязни, которую испытывал долгое время, нарушив „традицию“, не выждав принятого подготовительного „стажа“ в десять-пятнадцать лет.

Даже лучший мастер завода Иван Антонович Шашкин как-то в беседе с друзьями сказал, не скрывая удивления:

— Я называл его сначала просто Макаркой. Потом—Макарушкой. А теперь вон как величаю: коллега, товарищ Мазай!..

Бригада Шашкина попрежнему считалась образцовой. Подручные в совершенстве знали свое дело. Только движение, только жест сталевара,—и люди угадывали каждое распоряжение, они работали слаженно и легко. Они давали наиболее высокие с'емы стали.

Макар не мог не заинтересоваться работой прославленной бригады. Нередко случалось, он приходил в смену Шашкина и подолгу внимательно наблюдал за ходом плавки. Встретив однажды поздно ночью Макара в чужой смене, Моисеев спросил:

— Ты что же это не спишь, беспокойная душа?

— А просто, понимаете,—ответил Макар,—нет покоя...

— Что же тебе покоя не дает?

— Директорское чувство...

Моисеев вспомнил их давний разговор. Прошло не много времени, только четыре года, а перед ним стоял не прежний, простоватый, немного наивный, несколько медлительный в суждениях и действиях человек. Как будто все в нем переменилось: сосредоточенней, строже смотрели серые глаза, речь была сдержанной, с оттенком иронии, вдумчивой, он как бы взвешивал каждое слово. Он не просто наблюдал за работой других сталеваров, казалось, он что-то упорно и настойчиво искал. Это так и было: Мазай доискивался возможностей повышения с'ема стали. Немало было причин бессонницы, немало побуждений к постоянному беспокойству. В нем говорило и чувство гордости: неужели Шашкин действительно непревзойденный мастер? И то волнующее увлечение, которое пережил он, выдав еще первую плавку, увлечение, лишь усилившееся с годами.

В это время Макар не только учился, но уже и учил. Нередко приходил к его печи молодой подручный Максима

Васильевича Махортова, Миша Кучерин, разговорчивый, очень любознательный парнишка, чем-то напоминавший Макару его самого в те, первые дни, когда он пришел сюда из станицы.

Кучерин не считал себя на заводе новичком. Его семья переехала из Белоруссии в Мариуполь, когда Михаил был еще ребенком. Не раз провожал он к заводским воротам отца, с опаской поглядывая на черные громадины цехов, над которыми вспыхивали яркие сполохи плавок...

С детства укрепилась в нем мечта, — выучиться на мастера мартенов-сталевара. Много рассказывал о сталеварах отец, о том, как по цвету, по излому, даже по запаху пробы определяют они, эти волшебники, — самых сложных марок сталь.

Но самым значительным был в его детстве тот день, когда, держась за руку отца, впервые прошел он под гулкими сводами мартеновского цеха.

Бестрашные люди работали у огромных, огнедышащих печей. В яростном зареве, в брызгах огня,—спокойно и методично делали они свое дело. В них не было ни малейшего страха перед огнем. Некоторые даже смеялись и шутили. Вот что изумило тогда Михаила: сила и воля этих людей. Впервые он испытал тогда такую волнующую гордость за человека.

В тот день определился его дальнейший жизненный путь.

В школе ФЗУ он сказал, что будет учиться только на сталевара. Его увлек могучей своей красотой этот отважный и гордый труд.

В Кучерине Макара привлекли его самоуверенность и задор. Он вполне серьезно сказал Махортову:

— Позвольте, я буду соревноваться с Мазаем. Правда, до Шашкина мне далеко, а Мазая, ей богу, я перекрою!

Махортов посмеялся и передал Макару этот разговор, не заметив, что затронул „больное место“ Мазая. В который раз Мазай подумал:

— Ну, Иван Антонович Шашкин, серьезный предстоит нам разговор!

Часто ему приходилось вместе с Кучериным возвращаться с работы. Макар с удовольствием слушал задорного паренька, так полюбившего горячее искусство сталевара.

— Большая наша страна, даже представить трудно, какая большая, — задумчиво говорил Кучерин, увлекаясь незаметно для самого себя.—Бывает, я целыми часами на кар-

ту смотрю, и словно в странствие отправляюсь... Сибирь. Дальний Восток. Камчатка. Мурманск. Кавказ... И сколько богатства скрыто в беспредельных этих просторах! Все есть в наших горах, в степях, в первобытной тайге. Есть и марганец, и золото, и медь, и серебро, и разные камни-самоцветы, и такие минералы, что втрое, впятеро увеличивают урожай хлебов... Недавно прочитал я в газете, что в пустыне, в Средней Азии, невиданные запасы серы нашли. На верблюдах эту серу к дороге доставляют. И вот что я подумал: это наша вина; в такое ли время мы живем, чтобы верблюжьим транспортом пользоваться? Нужно срочно железную дорогу проложить. Мы—сталевары. Мы срочно должны дать рельсы. От нас это зависит, чтобы все богатства земные потоком хлынули по дорогам. Ведь мало же камень хлебородный найти. Нужно дорогу к нему пробить. Тогда он как будто рядом, как будто и нет несчитанных верст... Выходит, Макар, не только ученые—разведчики земли. Мы, сталевары, везде и всюду с ними. Нашей сталью в землю они проникают. Нашей сталью дорожной богатства добытые идут...

— Дельные вещи ты, Миша, говоришь,—заметил Макар. —Так может рассуждать хозяин. И хорошо, что это хозяйственное чувство тебя ведет. Только одно запомни: не отвлекайся. Мало правильно думать, правильно мечтать. То, что будет завтра,—новую дорогу ли, фабрику ли, завод — ты первый уже сегодня видишь, руками можешь ощупать: не простые куски металла ведь на платформе, — в них тысячи нужных и дорогих вещей. Может, это твоя дорога к залежам серы или к тем, плодородным камням. Больше сегодня дадим металла, дальше она уйдет, дорога, к новым богатствам, к нетронутым пластам...

Так выражалось то смутное, радостное беспокойство, которое в каждом из них окрепло, оформилось здесь, на заводе, и если не мог назвать его Кучерин каким-то определенным словом, то Макар хорошо понимал своего друга: он знал на опыте, что творчество всегда романтично.

1936 год—был переломным годом в работе нашей металлургии. Перед металлургами была поставлена задача: добиться ежесуточной выплавки 60.000 тонн стали. Это давало возможность повысить суточное производство проката с 34-х до 45 тысяч тонн. Нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе призвал сталеваров повысить с'ем стали с квадратного метра пода печи, в среднем до 5,5 тонны.

В то время это считалось высоким с'емом. Было известно, что на Витковицких заводах Чехословакии сталевары снимали по 6—7 тонн. Такие высокие показатели были вполне реальны для наших оснащенных передовой техникой заводов. Значит, остановка была за сталеварами. Они должны были решить эту важнейшую народно-хозяйственную задачу. Выступая на Первом Всесоюзном совещании стахановцев, товарищ Сталин говорил:

„Можно иметь первоклассную технику, первоклассные заводы и фабрики, но если нет людей, способных оседлать эту технику, техника так и останется у вас голой техникой. Чтобы новая техника могла дать свои результаты, надо иметь еще людей, кадры рабочих и работниц, способные стать во главе техники и двинуть ее вперед".

Отвечая на призыв Серго Орджоникидзе довести ежесуточную выплавку стали до 60.000 тонн,—металлурги страны об'явили Всесоюзное соревнование.

На ряде заводов уже в первые дни соревнования резко повысились с'емы стали. Отдельные бригады иногда снимали по 7, 8 даже по 9 тонн. Однако, это были рекорды. Закрепить такие высокие показатели никому еще не удавалось. Находилось множество помех: хозяйство мартеновских цехов оказалось недостаточно подготовленным к такой напряженной и высокопроизводительной работе: неподготовленными оказались и люди,—мастера еще не внесли ничего нового в метод ведения плавок. Передовые, творческие люди в среде сталеваров напряженно искали возможности увеличить производительность печей. Уже не первый день и не первый месяц думал над этим и Макар Мазай.

Подводя итог своим наблюдениям и долгим, настойчивым исканиям, Макар Мазай записывает основные, важнейшие условия, необходимые для получения скоростных, высокопроизводительных плавок:

„1. Высокая нагрузка (в 4 и больше тонн) на квадратный метр пода печи.

2. Правильная организация завалки.

3. Хорошая, термически мощная печь, правильный тепловой режим соответственно потребностям печи в тепле в отдельные периоды плавки.

4. Тщательная организация всей плавки, ведение процесса по регламентированному технологическому режиму по точно рассчитанному графику.

5. Тщательный уход за печью.

6. Правильная организация труда в бригаде.

7. Технически сознательная работа, т. е. усвоение всеми членами бригады значения каждого рабочего процесса, глубокое изучение процессов, происходящих в печи".

Он отмечает еще, какое огромное значение имеют подготовка шихты и организация разлива стали,—т. е. весь цикл работ, их фронт и тыл.

Для человека, мало знакомого с особенностями труда сталеваров, эти сугубо технические выводы, быть может, немногое скажут. Нужно осознать всю грандиозность задачи, которую поставил перед собой Макар Мазай.

Многие старые, опытные, почетные специалисты, чей авторитет считался непререкаемым, считали контрольную цифру с'ема стали, которую назвал Мазай, просто абсурдной. Также абсурдным считали они и намеченные им сроки плавок. Они говорили, что сталь невозможно заставить кипеть быстрее, чем это продиктовано определенными физико-химическими законами. Их доводы подтверждались рядом академических трудов.

Так, мировые авторитеты металлургии утверждали, что максимальная нагрузка на квадратный метр пода печи не должна превышать полторы тонны. В США, на с'езде мартеновцев, эта цифра была повышена до 2,5 тонны. Однако, в среднем, американцы грузили не больше двух тонн. В Германии средняя загрузка равнялась 2,5 тонны. На отдельных наших заводах средняя нагрузка была доведена до трех тонн.

Отвечая специалистам, Макар сказал:

— Физическим и химическим законам можно не только подчиняться. Ими можно и руководить. Мы значительно перевысили прежние нормы нагрузки и не чувствуем особых затруднений,—значит, будем и дальше повышать вес плавки. Доказывать словами я, однако, не привык. Тут вы меня, конечно, забьете. Я постараюсь доказывать делом,—так оно верней...

Кто-то заметил, что это тоже общая фраза. Если уж Макар берется повысить вес плавки и не рассчитывает на „случай", пусть, хотя бы приблизительно, он назовет свою контрольную цифру.

Он знал, что его ответ многие встретят недоумением. Будут и усмешки, и остроты, и, может быть, просто предложение—перейти к дальнейшим вопросам. Оставаясь спокойным, он сказал:

—Наше задание — 5,5 тонны стали с квадратного метра пода печи. Я обязуюсь дать 12 тонн. Плавка будет сварена за семь часов...

Даже Иван Антонович Шашкин, еще непревзойденный мастер высоких с'емов, и тот удивился:

—А не увлекся ли ты, Макар?

Мазай улыбнулся:

—Нисколько не увлекся... И вот, что Иван Антонович, —принимайте мой вызов... Да, я вызываю вас на соревнование. Это—решение всей моей бригады.

Он не дождался конца совещания. Можно понять, как был взволнован. Бросить вызов Шашкину! Но это был не просто вызов. Он как бы отвергал авторитет лучших мастеров и даже авторитет ряда ученых специалистов, их практику и много раз испытанные теоретические доказательства. Шашкин сказал насмешливо:

—Крупно шагает паренек! И любит громкое словечко...

Однако он ошибался: не самомнение, не излишняя самоуверенность руководили Макаром. Само величие дела его увлекло, выводы, к которым пришел он в результате долгих и тщательных наблюдений.

На заводском дворе его окликнул знакомый голос. Он обернулся. Взволнованный и радостный его догонял Кучерин. Оказывается, он слышал выступление Макара. Грозя кому-то кулаком, Кучерин еще издали крикнул:

—Значит, даем бой, Макар?! Правильно! Даем бой...

—Ты, видно, и в самом деле драться собрался?—усмехнулся Макар.

Михаил продолжал увлеченно:

—За такое дело? Хоть сейчас! Ты вот что: возьми меня в бригаду. Главное—верить в начатое дело, а я, понимаешь, верю. Ведь что получается, если хорошенько призадуматься да подсчитать? Получается, что на деле мы как будто удваиваем количество работающих мартенов. Удваиваем поток стали,—это тысячи и тысячи тонн!

—А не думаешь ты, Миша, о том, какой шум и треск пойдет, если мы провалимся?

—Думаю,— сказал Кучерин. — Но было ли такое новое дело, чтобы без всякого риска оно утверждалось? Я недавно книжку читал про Стефенсона,—он построил первый паровоз, так над ним, понимаешь, тоже сначала смеялись...А помнишь кино-картину „Крылья холопа"? Человек дерзнул лететь, как птица. Чего только стоила ему эта дерзость!...

А теперь существует воздушный транспорт, и никто не удивляется самолету. Говорят, что самое трудное — сделать первый шаг...

—Я удивляюсь некоторым нашим специалистам, — заметил Макар.—Какая осторожность! Под рукой у них справочники для руководства, в общем—куча „неопровержимых доказательств". А кто все эти правила да рецепты утвердил? Такие же люди, сталевары. Но они работали, быть может, десять, двадцать лет назад. Срок в наше время огромный! Мы выросли, техника стала другая, —сама жизнь утверждает новые нормы. Что же нам цепляться за детский костюмчик, если мы выросли из него?

—А все-таки ты не отвечаешь на мое предложение, — сказал Кучерин.—Ты принимаешь меня в свою бригаду или нет? Да, именно сейчас, когда предстоит такое испытание?

Некоторое время они шли молча, потом Макар сказал:

— Принял бы с удовольствием... Я часто, Миша, думаю о тебе. Веришь, нередко случается, когда мы беседуем по душам, мечтаем, фантазируем немножко, словно мои мысли ты высказываешь, самые сокровенные мысли... Это очень важная вещь, знать, помнить, что ты не один, что рядом есть товарищи, которые вместе с тобою ищут.

С чего я начал на этом заводе? С того, что понял простую вещь: человек должен быть полезен обществу, иначе —грош цена всей его жизни. Теперь я знаю: я нужен. Нужен потому, что не только живу, что жизнь товарищей своих обогащаю. Это не для красного словца... Это—содержание жизни. Удивительная штука! Почему не напишут в книгах такого, чтоб каждому стало понятно это мое чувство. Не я один этим чувством живу. И ты, и тот же Шашкин, и сталевар Скударь, и Боровлев, и Моисеев. Недавно один поэт написал, будто я, Макар Мазай, влюблен в... разливочный ковш! Смешно и глупо... Не в ковш, а в людей я влюблен, и не только моя бригада, нет, весь завод как будто сделался моей семьей. Я для семьи работаю и о семье своей бесчисленной думаю, и горько мне бывает, если вижу, что нет у другого этого, семейного чувства. Ты хочешь пойти в мою бригаду? Я отвечаю—нет. А ведь я очень уважаю тебя, Миша... И все-таки отвечаю —нет. Почему? Да просто потому, что мало одной моей удачи, в которую я верю, которой добьюсь. Нужно, чтобы и на соседней печи была такая же удача. Не только сегодня, а и завтра, и послезавтра,—всегда. Вот, действуй на соседней печи. Мы то одна

семья, и общее наше дело. Если я уволю подручного Пархоменко или Самойлова, или крышечницу Мокрицкую, —каждый из них спросит: за что? А я не найду, что ответить. Допустим, я скажу им—беру Кучерина. И опять они спросят—почему? Никто из них ни в чем не провинился. Значит, я беру Кучерина „для удачи"? А разве каждый сталевар не сможет точно так же работать? Разве только Мазай да Кучерин это могут? Наше дело не одна, не единственная печь. Наше дело — завод. Мы одинаково думаем. чувствуем, переживаем. Попробуем одинаково и работать? Спасибо тебе, Миша, если ты меня и Шашкина сумеешь перекрыть.

— Помнится, ты говорил, Макар... — сказал Михаил задумчиво.—Если хочешь быть счастливым...

— Будь им!—закончил Мазай.

— Ты прав, конечно,—сказал Михаил.—Наше дело—завод. Сегодня я приду в твою смену. Учти, я буду не меньше тебя переживать. А если случится, ну, сам понимаешь... разные, непредвиденные бывают причины, так вот, если случится какая неудача, — я попытаюсь действовать вслед за тобой.

На следующий день в 9 часов утра бригада Мазая выпустила плавку предыдущей смены, кратко посовещалась и приступила к работе. Подручные хорошо понимали, какая это ответственная смена. Было что-то торжественное в той минуте, когда, взглянув на часы, Макар сказал им:

— Начали...

Ему запомнилась задумчивая улыбка Боровлева, и то, как вздохнул и тряхнул головой, Самойлов, и сжал, стиснул на груди руки Пархоменко. Еще не помнил Макар, чтобы так быстро поистине молниеносно выполнялось каждое его распоряжение. Завалка была начата немедленно, едва металл и шлак вышли из печи. Подача топлива не прерывалась, поэтому в печи удерживалась высокая температура. Вся энергия бригады была сосредоточена на том, чтобы завалка была проведена возможно быстрее, материал равномерно распределен в печи и каждая порция хорошо прогрета.

Загрузка различных материалов — листовых, обрезков, лома, известняка, руды,—была проведена строго, по регламенту. Когда металл полностью расплавился, Макар взял анализ, исправил состав шлака.

Обычно после подачи руды углерод выгорает быстро, но постепенно скорость выгорания замедляется, это замед-

ление позволяет мастеру выпускать сталь точно по заданному анализу.

В течение всего времени, пока кипел металл, напряженно и пристально Макар следил за „поведением“ шлака, помня, что густой шлак замедляет кипение, а при слишком жидком из металла медленно удаляются фосфор и сера.

Плавка велась уверенно, согласованно, каждый подручный точно знал свое дело, добавочные материалы были заготовлены заблаговременно, в полной исправности на определенных местах лежал инструмент. Что удивило и с самого начала обрадовало Макара,—люди как-будто угадывали его приказания. Бригада канавщика Ковалева быстро и хорошо подготовила канаву, минута—в минуту, по первому знаку Макара был подан ковш.

Плавка была сварена за 6 часов 50 минут. Бригада Макара Мазая дала невиданный в то время с'ем стали с квадратного метра пода печи—13,4 тонны.

Сталевар Фадеев, сменивший Макара, принял печь в образцовом состоянии. Следуя методам Макара, он выдал плавку за 7 часов 45 минут и снял с квадратного метра пода 12,2 тонны.

Это было в октябре 1936 года. День, когда Макар Мазай выдал свою первую скоростную плавку — стал историческим днем для завода.

Борьба за новые методы, однако, не завершилась. Именно сейчас она начиналась. Нашлось немало „знатоков“, назвавших достижение Мазая „случаем“, стечением благоприятных обстоятельств. Впрочем, Макар хорошо понимал, что одной плавки далеко не достаточно. Он дал такую же вторую, третью... А 28 октября в цехе появились люди с самых отдаленных участков завода. Тесной толпой они стояли в гулком, полутемном пролете, и каждому, кто входил в эту толпу, передавалось ее радостное возбуждение. Здесь не было слышно ни выкриков, ни похвал. Сама тишина была насыщена взволнованным, радостным изумлением, тишина тех первых минут, когда осознается великое открытие.

В эту смену бригада Макара Мазая сняла с квадратного метра пода печи по пятнадцать тонн стали, оставив далеко позади все мировые рекорды.

Надолго запомнились Макару восторженный взгляд Кучерина, крепкое его об'ятие, негромко, взволнованно сказанные слова:

— Это победа, Макар... Это — подвиг!.. Да, настоящий, великий подвиг, мой друг!

Почти одновременно с Кучериным к Макару подошел Шашкин. Он был заметно смущен. Удивленно поглядывая то на подручного — Луку Пархоменко, то на Макара, он сказал:

— Или вы разговор условный выработали с Лукой? Ты только глазом поведешь, а он все уже понял, как ошпаренный бросается куда нужно...

Пархоменко засмеялся.

— Это верно, Иван Антонович... В работе единая должна быть душа...

— В организации ты обогнал меня, Макар, — сказал, Шашкин.— Откровенно говоря, даже неудобно получается: ученик учителя начал учить. Но ничего не попишешь,— придется встряхнуться, орлов твоих догонять...

— Мы верим в вас,—сказал Пархоменко.—Но догонять будет не просто. Мы ведь не будем на месте стоять. Макар говорит—кто останавливается, тот отстает...

Шашкин насмешливо улыбнулся:

— Он „верит в меня!“ Ну, спасибо „профессор“. Только твоего комплимента и не хватало! Как ты их воспитываешь, Мазай?

Казалось, у Макара давно уже подготовлен ответ. Он сказал смеясь:

— В духе победы, Антоныч...

V. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В письме, напечатанном в одном из октябрьских номеров „Правды“ в 1936 году, Макар Мазай писал:

„Я, сталевар Мазай, и мои товарищи вызываем всех сталеваров Советской страны соревноваться с нами в продолжение двух декад на самый высокий съем стали с квадратного метра. Срок соревнования—с 25 октября по 15 ноября. Кто даст больше стали? Кто за это время возьмет самый высокий съем стали с квадратного метра пода печи? Чей заработок будет выше? Кто из нас добьется права по окончании этого соревнования рапортовать любимому наркому тов. Серго—я, сталевар такой-то, с такого-то завода, в 20-дневном соревновании, дорогой товарищ нарком, победил лучших сталеваров страны. Большая это будет честь для победителя“.

В ответ на письмо Мазая прицли десятки телеграмм

Вызов приняли сталевары Запорожья и Таганрога, Макеевки и Днепропетровска, Ногинска и Ворошиловска, Москвы и Орджоникидзе, Магнитогорска и Сталинска...

На всех металлургических заводах страны уже были известны показатели бригады Мазая. Он перечитывал телеграммы, и ему неспроста казалось, что это пишут старые друзья, с которыми уже давно он работает на одних мартенах. Знали они не только Макара,—знали и его подручных, и старейших мастеров завода, инженеров и рядовых рабочих. Это и удивило его, и взволновало: за рабочей площадкой у его мартена незримо следили тысячи глаз!

Сначала Мазай думал о своем личном успехе, о звании и чести сталевара. Неизбежно происходило так, что вопрос личного авторитета становился вопросом чести всей бригады. Но и это было только начало. Речь шла теперь об авторитете цеха, всего завода. Больше того, речь шла о чести сталеваров всей страны,—они сами предложили народу оценить их творческий труд.

Макар не заметил, когда это произошло, когда он начал мыслить масштабами государства. Может, еще в тот вечер, когда сварил он первую плавку и словно воочию увидел, как из тяжелых остывающих слитков стали рождаются машины, рельсы, певучие провода? Может, в дружеских, мечтательных беседах с Кучериным уже возник и постепенно укреплялся этот волнующий большой интерес? Но сейчас он увидел себя впереди огромного наступающего войска. Он вел это войско. Он отвечал за его ратные дела.

Сталевар должен быть смелым человеком. Такова эта высокая профессия,—она не терпит трусов. Макар говорил себе:

— Смелее! Многое сделано, но осталось еще больше: Хочешь победить—победи!

Едва он выдал очередную успешную плавку, как его пригласили к директору завода. Он пришел прямо из цеха, в рабочей спецовке, в пыли.

Директор подал Макару телефонную трубку. Он сказал торжественно:

—Москва!...

Макар услышал спокойный и ясный голос:

— Товарищ Мазай? Комсомолец Мазай?... Это говорит Орджоникидзе. Как у вас идет соревнование? Как ваша бригада? Помогает ли вам дирекция? Да вы не стесняйтесь говорите все, как есть...

Макар волновался. Трубка дрожала в его руке. Постепенно он освоился, подробно рассказал о ходе последней плавки.

Орджоникидзе спросил:

— Ну, а ваше здоровье? В порядке? Очень хорошо! Как отдыхаете вы после работы? Каковы жилищные условия? Главное, вы не стесняйтесь,—если нужно—немедленно поможем.

В заключение Орджоникидзе попросил звонить ему ежедневно: он внимательно следил за каждой подробностью в ходе соревнования сталеваров и знал завод им. Ильича так, словно сам здесь уже не первый год работал.

Следующую плавку Макар закончил под утро. На рассвете он пришел домой утомленный, но довольный результатом. У калитки его ждал посыльной. Макар удивился; зачем он вдруг понадобился в такой необычный час?

Оказывается, его опять вызывали к телефону.

Знакомый голос спросил:

— Почему же ты не позвонил, Макар? Мы здесь уже начали беспокоиться...

Пораженный Макар сначала не знал, что ответить.

— Я не хотел вас беспокоить... Такое позднее время... Я думал вы спите, товарищ нарком...

Орджоникидзе засмеялся:

— А выходит наоборот. Я ожидал твоего звонка, а потому и не ложился спать.

Макар доложил, что в прошлую смену он дал по 12 тонн с квадратного метра пода печи.

— Поздравляю... Сердечно поздравляю!—сказал Орджоникидзе.

— Однако, ты свои секреты не храни. Учи других сталеваров. Передавай им опыт. Все сталевары должны научиться работать, как ты... Кончишь соревнование, приедешь в Москву.

В телеграмме, присланной на имя Мазая, несколько позже Орджоникидзе писал:

„Вашу телеграмму о замечательных ваших успехах получил. Тем, что вы своей стахановской работой добились на протяжении 20 дней подряд среднего с'ема 12,18 тонны с квадратного метра площади пода мартеновской печи, вы дали невиданный до сих пор рекорд и этим доказали осуществимость смелых предложений, которые были сделаны металлургии.

Наряду с вами и другие сталевары завода им. Ильича... дали хорошие показатели—8,5 тонны, 9,5 тонны.

Все это сделано на одном из старых металлургических заводов. Это говорит об осуществимости таких с'емов, тем более это по силам новым, прекрасно механизированным цехам. Отныне разговоры могут быть не о технических возможностях получения такого с'ема, а о подготовленности и организованности людей.

Ваше предложение о продлении соревнования сталеваров, само собой, всей душой приветствую.

Крепко жму вашу руку и желаю дальнейших успехов.

Серго Орджоникидзе."

Избранный делегатом на Чрезвычайный VIII Всесоюзный с'езд Советов, с'езд, призванный обсудить и утвердить новую Конституцию Советского Союза, Макар Мазай с группой делегатов от Донбасса прибыл в Москву.

Только один раз до этого, и то лишь недолго, Макару довелось побывать в столице: в 1930 году он сопровождал с Кубани эшелон со скотом. Теперь он мысленно видел себя загорелым, вихрастым пастушонком, робко входящим на Красную площадь, торжественно застывшим перед кремлевской стеной...

Прошло шесть лет. Он снова в Москве. Он делегат с'езда. Красноармеец проверяет делегатский мандат Мазая и,—может быть это лишь кажется Макару,— особенно четко, торжественно козыряет ему...

Вот он—древний и славный Кремль,— сердце Москвы,— сердце Родины. Здесь живет и работает Сталин... Как страстно мечтал Макар узидеть великого, родного вождя, услышать его речь, каждое слово и взгляд, и жест навсегда сохранить в своем сердце!

Вот зал Большого Кремлевского дворца... Скоро шесть... Взволнованная, напряженная тишина. Все встают. Грохочет овация. На трибуне, близко,—такой знакомый, родной, уверенный и спокойный ласково всматривающийся в лица людей—Сталин.

Когда смолкает овация, Макару кажется: в тишине он слышит как бьется сердце.

Сталин говорит о новой Конституции, — утверждением великой, всенародной победы звучат его слова.

Слушая речь вождя, Макар все время внимательно присматривается к делегатам. Открытые, сосредоточенные лица рабочих, военных, интеллигентов, крестьян. Избранники

народа—труженики, ученые, новаторы науки, техники, труда,—все они, каждый лично, как будто давно уже знакомы Макару. Макар тоже будет говорить, — много есть волнующих мыслей, которыми так необходимо поделиться в этой единой, могучей семье...

На третий день с'езда председательствующий предоставляет слово Макару Мазаю.

Макар поднимается на трибуну спокойной, уверенной походкой. Уже нет робости, которую испытывал он в первые минуты. Его будет слушать весь советский народ.

Его будет слушать товарищ Сталин!

Взволнованно звучит голос Мазая,—слова привета, обращенные к любимому вождю. Рассказывая о работе родного завода, Макар выдвигает новые, грандиозные цифры выплавки стали. Он говорит:

„Нужно добиться, чтобы все сталевары Советского Союза снимали по 12 тонн стали с квадратного метра пода печи. Только тогда, товарищи, мы выполним и перевыполним задачу, поставленную товарищем Сталиным, тогда будем давать не 60000, а 120000 тонн стали в сутки".

Некоторым иностранным дипломатам, как видно не очень-то понравилась речь Мазая. К концу его выступления дипломатическая ложа почти опустела. Да это и понятно—Макар не искал витиеватых оборотов, и искусством намеков просто не владел. Он прямо сказал то, что думал, что думали тысячи его друзей:

„Я думаю, что лучшим отпором всем врагам, пытающимся подорвать советскую власть, будут сверхплановые тонны стали. С этими людьми — разговор короткий. Их надо топить в горячей стали... Зальем фашистам глотки горячей сталью!"

Когда Макар закончил речь, товарищ Сталин встал и начал аплодировать подняв руки. Он что-то сказал Орджоникидзе... Радостный, сияющий Орджоникидзе повернулся к Макару и стал аплодировать еще сильней. Макар понял: Серго гордился своими питомцами, тружениками, новаторами, мастерами плавок.

Во время заседания Макару сообщили, что его примет тов. Орджоникидзе. В тот же вечер Макар вошел в приемную наркома. Секретарь сказал, что нарком уже ждет его...

Орджоникидзе встал из-за стола, встретил Мазая посреди кабинета, ласково поздоровался, задержав его руку в своих руках. Он спросил:

— Не устал ли от соревнования, товарищ Мазай?

— Хорошая работа не утомляет,—ответил Макар.—Только силы и бодрости придает! А с вашей помощью—крепко, по-настоящему работа ладится...

Орджоникидзе придвинул стул:

— Нужна моя помощь? Какая именно?

Макар подробно рассказал о помехах, иногда срывающих работу сталеваров. Орджоникидзе сделал несколько записей в блок-ноте. Возвращаясь к главному, интересующему его вопросу, он спросил:

— Вы даете по 12 тонн... Значит, это вполне реально? Почему же в Америке дают только по шесть тонн?

Макар ответил шутливо:

— Так ведь то Америка, товарищ нарком!

Орджоникидзе засмеялся, веселый, возбужденный прошел по кабинету. Он сказал секретарю, чтобы тот пригласил директора завода. Вошел директор. Здороваясь, нарком сказал:

— Вот что — вы с Мазаем из Москвы не уедете до тех пор, пока не напишете подробно. как вы добились таких чудес—у американцев ведь этого нет, у немцев и у англичан нет, и у чехословаков нет. Ни у кого нет. У кого же учиться нашим сталеварам варить сталь по-социалистически? У Мазая. Так вот — сталевары вы хорошие, будьте такими же учителями! Учите, передавайте опыт через газету. Книги надо вам писать!

Орджоникидзе подробно интересовался не только производственными вопросами. Он расспрашивал Макара об отдыхе, о том, какие читает он книги, хорошая ли у него квартира, как живет семья...

— А почему бы не построить тебе, Макар, индивидуальный домик?

Макар ответил, что собирается на учебу. Серго одобрительно кивнул головой.

—Ну, это правильно, конечно. Нам нужны новые ученые, смелые новаторы, глубоко знающие дело. С осени пойдешь в Промакадемию. Станешь инженером. Борись за культуру, Макар, так же, как борешься за сталь. Ты—государственный деятель, а это значит—ты должен стать высококультурным человеком.

Беседа продолжалась уже свыше полутора часа. Макар не заметил, как пролетело время. Прощаясь, Орджоникидзе спросил:

—Машину любишь?

—Конечно! — воскликнул Макар.—Кто же не любит машину?

—Хорошо,—сказал Орджоникидзе.—Наркомат премирует тебя автомашиной...

Взволнованный и радостный Макар покидал Москву. Как будто шире открылись горизонты. Впереди—большая и напряженная работа. Но чем трудней и сложней она—тем более радостны результаты.

Несколько позже, в феврале 1937 года, Макар прочитал речь Орджоникидзе, произнесенную на приеме делегации инженерно-технических работников нефтеперегонной промышленности и их жен в Наркомтяжпроме. Снова, как о замечательном примере, Орджоникидзе вспомнил о нем. Он сказал:

„ Я очень долго занимался металлургией. Профессора и академики нам прямо голову забивали, что больше, чем 4 тонны с одного квадратного метра площади пода мартеновской печи дать не можем. А какой-то комсомолец Мазай ахнул и дал 12 тонн! Вот тебе вся академия! Да и не только наши академики, но и американцы и никто в мире такого с'ема с квадратного метра площади пода печи не давал. Но может быть это было лишь один раз? Нет, в течение 25 дней он давал по 12 тонн. Этого нигде в мире нет. Значит, самый агрегат столько дать может, но мы еще недостаточно им овладели, чтобы он это количество давал".

Прав был Михаил Кучерин, когда сказал Макару.

—Это—подвиг...

Но сила подвига была не в его исключительности. Дальнейшее развитие победы, которую одержал Мазай, было в перенесении его метода на все мартены. Отныне он жил этим стремлением и интересом.

Так рядовой рабочий, в прошлом пастух и беспризорный, вырос до масштаба государственных дел, стал деятелем Советского государства.

VI. ЛИЦОМ К ЛИЦУ

... Ранней весной, когда в море грохочут штормы, а по всему Приазовью, от донского гирла до Сиваша, до кубанских плесов и проток, движутся, клубятся свинцовые туманы, шкиперам, возвращающимся с моря, дорог каждый проблеск маяка...

Но в суровую эту пору, в густую, тяжелую мглу—па-

дает бессильно сломанный луч маяка или никнет, запутавшись в космах тумана...

Тогда рыбаки на баркасах и даже капитаны на мостиках больших кораблей вспоминают одну гостеприимную гавань, в которую всегда, в самую ненастную погоду,—золотистой, огненной тропой озаряется путь корабля.

Ночные чудесные зори здесь внезапно взлетают над сумрачным морем, — не в обычный, предутренний час — в полночь, словно в сказке, солнце юга нежданно всходит над притихшими берегами.

Глядя на этот брусничный разлив зари, рыбаки говорят торжественно:

— Плавка...

А знающие, местные, коренные, обязательно скажут, бывало:

— Макар разгоняет ночь!..

И новому человеку, впервые прибывшему к этим берегам, здесь многое покажется удивительным и необычным. И море, охваченное пламенем пожара, и кипящий у подножья „Азовстали" Кальмиус — огненная река, и это богатырское имя—Макар, которое все словно читают в сполохах плавки.

У каждого города есть своя, несравнимая слава. Слава Мариуполя—поколение его сталеваров. Их доблестные дела. Их сталь.

А в славном роду мастеров мартена есть свое гордое имя—Макар Мазай.

Вряд ли можно встретить в этом городе или в его окрестностях человека, который лично не знал бы Мазая, взволнованно, как о близком друге, не рассказал бы о нем, не вспомнил бы о Макаре, когда по ночам над городом и над взморьем сверкает и льется его трудовая заря...

Только над этим солнечным берегом, окаймленным текучей, морской бирюзой, над рабочими кварталами металлургических гигантов,—долго стояла глухая, кромешная ночь. И погасли огни в порту. И недвижно застыли циклопические краны. И в угрюмом безмолвии замерли мартены...

В последний раз, когда раскаты артиллерийских залпов сотрясали завод,—по гулким цехам, вдоль железнодорожных линий, молча прошли хозяева завода, его мастера. Последним уходил с завода Макар Мазай...

Опустив голову, он долго стоял у заводской стены. Пыль поднималась над поселком, как дым пожара. Спокойные, со-

средоточенные бойцы устало шагали сквозь пыль и взвихренную листву. Они готовились к бою...

Решимость сражаться, готовность умереть, вот что отметил с первого взгляда Макар в этих обветренных, запыленных, молчаливых людях. До сих пор суровое понятие „фронт"—для него было яростной вахтой у мартенов. Он и его друзья дали стране тысячи тонн металла. Первые рекордные с'емы стали он сделал постоянными показателями мартенов. Смертоносная эта сталь нещадно хлестала немчуру у Львова и на Днестре, у Севастополя и Одессы... Сейчас, на подступах к родному городу, она кромсала, коверкала, жгла танки, машины, всю многочисленную технику врага, устилала приморские откосы трупами немцев... Вахта у мартеновских печей тоже была передним краем, средоточием фронта, стойкости и отваги. Но теперь и в прямом смысле завод становился передним краем. Почему-то сейчас, покидая завод, Макар отчетливо и ярко вспомнил отца, минуту прощанья, когда уходил отец к станице Прохладной с красноармейским отрядом. Он вспомнил так подробно переживание тех минут, как будто лишь вчера это было.

Высокий, худой и небритый, в рваной солдатской шинели, с алой ленточкой на фуражке, отец бережно приподнял Макара и заглянул ему в глаза.

— А вернуться мне, сынок, может и не придется...

Но, странно,—в глазах его не было ни сомнения, ни печали.

— Что ж, так нужно, сынок... Для тебя.

Глухая, давняя боль заныла в сердце Макара. Он будет сражаться! Как народный мститель, как рядовой солдат.

Мускулистый, крепкий, широкоплечий, с наганом на поясе и с парой гранат, он появился в рабочем отряде.

Старый мастер мартена Никита Пузырев восторженно встретил Макара.

— Я так и знал, что ты придешь. Будем драться до последнего биения сердца. Новая норма с'ема назначена теперь, Макар. С'ем шлака немецкого... Тут нужны высокие с'емы!

Много лет Макар знал Пузырева, потомственного металлурга, избранного депутатом Верховного Совета УССР,— простого, открытого, неутомимого в любой работе, всегда взволнованного делами завода. Он тоже обрадовался этой встрече.

— С тобой, Никита, хоть на край света готов.

Пузырев улыбнулся, потом сказал серьезно:

—Значит, в народе недаром говорится: Макар разгоняет ночь?... Да, ночь, немецкая темень наступила, и только верным, бесстрашным сердцам ее разогнать...

В то суровое, первое лето войны мы изведали много жгучего горя. Немцы прорвались в Донбасс и обходом, броском бронированного кулака вышли на берег Азовского моря. В Мариуполе, на Матросской слободке, на причалах порта, среди гигантских сооружений Азовстали, еще трещали очереди автоматов, а на заводе им. Ильича уже начался дележ добычи. Псы-лазутчики фирмы Круппа бросились в пролеты цехов. Они составляли опись оборудования. Псы-гестаповцы, вестники смерти, с черепами на рукавах, встали на проходной будке.

Тогда, забыв об опасности, снова пришел к заводу Макар. Он видел, как срывали немцы медь и бронзу с драгоценных машин, как вывозили сталь—сталь его плавок. Такое огромное, безысходное горе еще не испытывал он никогда...

Товарищи сказали ему:

— Спрячься... Немедленно спрячься. Мы вместе прорвемся через линию фронта.

И, немного ободренный, Макар ушел в подполье.

Стон родного города будил его по ночам. Это по темным улицам Мариуполя, под конвоем эсэсовцев, из рабочих кварталов завода им. Ильича, с „Азовстали", из порта шли арестованные металлисты, их жены с детьми на руках, шли моряки военного и торгового флота, грузчики, рыбаки, пленные красноармейцы.

Пятьдесят тысяч человек прошло по улицам Мариуполя, на окраину города, к противотанковому рву, в те страшные ночи. Были в их числе многие друзья Макара, многие товарищи из мартеновского, доменного, трубного цехов.

Вскоре узнал Макар, что расстрелян немцами близкий друг его—Наум Толмачев, сталевар, а потом начальник цеха, что погибли многие металлурги. Но особенно поразило и потрясло его известие, принесенное связным, о гибели Никиты Пузырева. Схваченный на улице, неподалеку от завода, Никита Пузырев был зверски убит в гестапо. Одновременно пришло и другое мрачное известие: немцы расстреляли 43 молодых металлистов, расстреляли депутата облсовета Ксению Минину, известного всему городу старого доктора Эрбера, — десятки и сотни знакомых, близких людей.

Кто же чинил эти свирепые расправы над рабочим народом Мариуполя? Весь город знал имена палачей.

Шеф зондер-команды, некий немчик Фогель, командир СД, некий Вульф, его заместитель, старый уголовник Кюкке, комендант города—Михаэль, фельдкомендант Гофман и, наконец, самый старший из них—наркоман, садист и маньяк, подполковник герр Шаллерт. Так он приказывал себя величать. В действительности, вышеназванный „герр" был только обер-лейтенантом. Ему, шефу шюц-полиции, вечно отравленному кокаином Шаллерту, была отдана в полное распоряжение тюрьма,—судьбы тысячи людей, которые он решал одним движением руки, решал не задумываясь, не задав ни единого вопроса, даже не взглянув на жертву...

Металлурги уходили, рассеивались по селам, прятались по подвалам и чердакам, а грозные приказы коменданта о возвращении рабочих на завод оставались „гласом вопиющего в пустыне".

Идея Шаллерта была несложна—именем Макара он возвратит людей на завод.

Однако, все поиски Мазая не приводили к успеху. Как могло случиться, что в городе, где Макара знали тысячи людей, теперь никто не мог сообщить о его местопребывании, о последней встрече с ним? Он жил на Гнилозубовке, в поселке Сартана, в селе Калиновка и на Слободке, но сыщики, уже имевшие десятки его адресов, нигде не могли застигнуть Мазая. Как будто расступались стены города перед ним. Герр Шаллерт сам его видел сегодня на главной, выскочил из машины и бросился в переулок, но Мазай исчез. Герр Шаллерт не допускал мысли, чтобы он мог ошибиться: недаром так тщательно изучал он добрую дюжину фотографий Макара, которые при обысках ему удалось достать.

Одетый в серую домотканную свитку, в шапке, низко надвинутой на лоб, с кнутовищем под рукой, Макар ничем не отличался от десятков других сельских возчиков, приезжавших в город на базар. Здесь он встречал знакомых, расспрашивал о новостях, рассказывал о действиях неуловимых бесстрашных партизан. И было так много уверенной, радостной надежды в Макаре, что каждое его слово подхватывали, запоминали, передавали другим десятки и сотни людей.

Всей силой души, всей страстью сердца он ненавидел немцев, ненавидел предателей и отщепенцев. Случайно он столкнулся с таким человеком, не подозревая, что перед ним „шпик".

—Если тому же Шаллерту служить хорошо, как говорится, верой и правдой,—сказал этот человек,—тогда немцы неплохо платят...

— Ты видно темный человек,—ответил Макар.

— Не погибать же, такая сила!...

Макар яростно стиснул кулаки.

— Так вот кто ты... Ты— подлец!...

Человечек вдруг выхватил свисток. Макар ударил его наотмашь и опрокинул в грязь. Два дюжих жандарма бросились к Мазаю. Ударом ноги он отшвырнул одного из них и сцепился со вторым. Он видел перед собой ненавистную, багровеющую морду врага и ощущал ладонью, как изгибается и клокочет его горло... Сзади подбежали немецкие солдаты. Приклад винтовки взлетел над головой Макара. И Макар припал на колени, уронив упрямую голову на грудь. Ему скрутили руки и бросили на подводу. Он снова рванулся так, что затрещала толстая бичева и, опираясь на локоть, выпрямился, вскинул голову:

— Всех не передушите, сволочи... Народ наш— непобедим. Все равно... Все равно—час расплаты придет!

Жандарм вскочил на подводу и наступил коленом Макару на грудь. Его повезли прямо в тюрьму гестапо. Здесь сверили фотографии. Герр Шаллерт был доволен. Макар Мазай—слава мариупольских сталеваров— теперь был в его руках.

В глухой одиночной камере надолго теряется след Макара. Только люди, чудом вырвавшиеся из этого ада, и надписи на стенах — трагические послания мучеников и героев как бы приоткрывают перед нами двери той страшной тюрьмы. Эти надписи, выцарапанные ногтями на сером бетоне, много раз перечитывал в своем одиночестве и Макар Мазай.

Тени мучеников населяют тюрьму. Кажется, еще звучат в каменных глубинах отзвуки трепетных сердец. Макар прислушивается долгие минуты. Ветер гудит над крышей тюрьмы... ветер свободы... Макар бросается к железной двери, он бьет в нее кулаками, срывает ногти и, обессиленный, падает у порога. Кажется, кто-то идет... Нет, это правда... Лязгает ключ в замке. На пороге, в сопровождении телохранителей, появляется сам герр Шаллерт. Телохранители первые входят в камеру. Они вносят стол и стулья, раскладывают на свежей скатерти папиросы, конфеты, наливают в бокалы вино...

Макар сидит в углу, прижавшись щекой к холодной и скользкой стене. Похоже, герр Шаллерт его не замечает. В камере вспыхивает яркий свет. Герр Шаллерт садится к столу. Он кивает охранникам и те насильно поднимают Макара, усаживают его за стол. Герр Шаллерт сам наливает вино...

— Прошу!..

Макар внимательно смотрит на немца. Это — продолжение прерванного допроса. Сначала его били. Теперь его хотят купить. Он отодвигает бокал. Что хочет от него эта кровавая собака, чье имя наводит на узников жуть?

Повидимому, Шаллерт без особого труда угадывает его мысли.

— Мы ценим вас, как специалиста. Германия — страна технического прогресса, но наши инженеры, опытные, передовые металлурги, были изумлены вашими достижениями, Мазай... Вы нам нужны. Вернее, нам нужны ваше имя и опыт. И нужна сталь. Мы умеем хорошо платить за услуги.

— Что вы хотите?—спрашивает Макар.

— Мы хотим снова пустить завод. Вы позовете мастеров. Вы знаете каждого из них. Мы также неплохо знаем вас, как талантливого и авторитетного организатора. Ваше слово будет для них оправданием и законом. Повторяю— мы хорошо оплачиваем услуги. Вы будете богатым человеком.

— Вам нужна сталь,— говорит Макар, чтобы...

Шаллерт прерывает его на полуслове:

— Да, нам нужна сталь; без стали невозможен технический прогресс...

— Но разве массовые убийства вы называете... прогрессом? Вам нужна сталь, чтобы убивать моих братьев...

Лицо Шаллерта каменеет.

В соседних и дальних камерах слышен яростный крик тюремщиков. Не дыша, узники приникли к дверям камер. По коридору уходит на смертную пытку Макар.

... На стене камеры, в бывшей тюрьме гестапо, сохранилась надпись, повидимому, выцарапанная ногтями. Сквозь плесень и накипь извести и сквозь оставленные мокрицами следы,—знакомое, близкое имя вспыхивает перед глазами. Невысоко, на уровне груди, оно высечено косыми, глубокими шрамами на камне. Как будто последним движением руки, уже срываясь в бездну, узник успел нам оставить этот трагический знак.

Косые, сеченые линии слагаются в буквы, и буквы образуют два слова. И со стены камеры, будто с экрана, вдруг смотрят знакомые, серые, улыбчивые глаза.

«Макар Мазай»

Мы помним его таким: радостным, плечистым и крепким, с прямым и открытым взглядом улыбающихся глаз, с непокорным чубом, небрежно отброшенным со лба, с широким, стремительным жестом сжатой в кулак руки.

Таким запечатлел его художник Модоров, выступающего с трибуны восьмого Всесоюзного с'езда Советов... Он стоял улыбающийся, восторженный и, казалось, не свет рефлекторов, а яростное пламя мартена озаряет его лицо.

Таким, уверенно и радостно шагающим по жизни, помнят Макара его товарищи—сталевары.

... Когда в строю воинов, идущих на приступ, сквозь огонь, падает сраженный знаменосец — запевала, кажется: осиротел весь батальон.

Но идущие рядом подхватывают знамя и песню. И, тогда бессмертие подвига осеняет бойцов.

... Уже невозможно сегодня узнать веселый, солнечный Мариуполь. Как много сделано с того памятного дня, когда на улицах города, в гулких цехах „Азовстали", у мартенов завода имени Ильича прозвучали грозные громы атаки наших наступающих частей.

Да, слишком глубоки раны, нанесенные городу злобным врагом. Угрюмо чернеют обгорелые скелеты домов. Еще не разобраны груды камня... Но апрельским вечером, когда с моря возвращаются с серебряным грузом суда,—сквозь белесый туман, сквозь темень, видят шкипера, как зарождается над городом заря, как вспыхивает она внезапно ярким и радостным каскадом света.

Это на заводе „Ильича" выдают плавку. Друг и наследник Макара—Михаил Кучерин стоит у печей. Здесь, вместе с Макаром работал он, учился и мечтал. Память об учителе живет в каждом предмете на рабочей площадке. В пытливости молодых мастеров, в темпе их героического труда. В тех цифрах с'емов стали, которыми сегодня гордятся мариупольские металлурги.

Память Макара Мазая живет и в городе, и на море.

— Макар разгоняет ночь!—весело говорят рыбаки...

И становится понятным, почему глядя на сполохи плавок, люди как будто видят знакомый, близкий образ незабывае-

мого своего друга, новатора, борца. Они продолжают его славное, творческое дело.

VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вечером, когда над городом еще полыхали зарева пожарищ и где - то близко за крутыми склонами взгорья, обступившими порт, тяжко громыхала артиллерия,—запыленный, с дорожной котомкой за плечами, Кучерин возвратился в Мариуполь.

По улицам, забрызганным битым стеклом, мимо обугленных, исковерканных снарядами зданий, — взводами, ротами, батальонами шли бойцы.

Это ближе к переднему краю подтягивались резервы и тылы.

Навсегда запомнят мариупольцы утро 10 сентября 1943 года,—стремительный, яростный штурм наших войск, обрушившихся на оборону немцев, прорыв немецкой оборонительной полосы, переправу под огнем через Кальмиус... Фронт отодвинулся на запад, а здесь, в разрушенном, сумрачном городе, где то и дело над крышами домов, в черных зияющих окнах, над безмолвными корпусами заводов—вихрями пламени, каскадами искр, хищной побежкой огня прорывались пожары,—в городе, над которым пролился ливень металла,—толпы людей теперь стояли на мостовых,—шумные, ликующие, и словно не огнем, бурной радостью самой были они освещены...

Люди с лицами, тоже обугленными, как камни, бросали бойцам букеты цветов, иногда прорывались в стройные шеренги, обнимали и целовали солдат, плакали и смеялись.

—Родные... Братья наши родные!.. Беспощадно мстите палачам!..

На досчатом стенде Кучерин прочитал уцелевший приказ немецкого коменданта: „В связи с изменением расположения фронта город Мариуполь очутился под известной угрозой. Высшее командование распорядилось удалить население Мариуполя. Поэтому все жители должны подготовиться к уходу из города в западном направлении. Эвакуация будет осуществлена в 4-х больших группах. Отправление со сборных пунктов будет производиться в сопровождении полиции. Приказываю населению захватить с собой конные подводы, тачки и ручные тележки. С собой нужно взять продуктов питания на три дня. Всякий, кто будет

встречен в городе после обозначенного срока, будет осужден по германским военным законам".

Немецкое командование решило сжечь Мариуполь,—город сталеваров, прокатчиков, моряков. Как же уцелели эти люди, встречающие победоносные батальоны? Поминутно рискуя жизнью, они скрывались среди развалин, в подвалах, в камышевых зарослях за Кальмиусом, в степных оврагах.

Специальные команды немцев на машинах раз'езжали от квартала к кварталу, обливали бензином и поджигали дома. Молчаливая толпа стояла у тлеющего пожарища...

Кучерин идет по улице... Вот группа молчаливых людей. Здесь расстреляна семья Зимцева. Дальше семья Валентины Могильной... Он слышит разговоры; соседи пытались Могильную спасти. Толстый, лысый немец, стоя в сторонке, улыбался и щелкал фотоаппаратом...

Михаил расспрашивает о Мазае,—никто не знает его судьбы. Человек, чудом спасшийся из тюрьмы гестапо, видел Макара, закованного в кандалы.

Вскоре он узнает о Никите Пузыреве... Долгие дни и ночи Пузырева пытали огнем, вводили в вены горячую воду, срывали ногти и жгли кислотой. Он крикнул палачам только три слова:—Смерть фашистским собакам!...

Двери тюрьмы гестапо раскрыты. С самого раннего утра здесь толпится народ. Еще свежи надписи, кровью начертанные узниками на стенах. Потрясенный Михаил подолгу стоит у этих обугленных муками стен. „Выбыть на луну"... „Выбыть в пропасть",—так называли узники казнь...

„Лазарева, Козлова, рождения 1916 года, выбыли в пропасть, будь они прокляты"... „Грицаев расстрелян — мстите"... „Я и Ваня Малугин выбыли на луну без вины. Нина Шупахина"...

Молодой офицер в запыленной марлевой повязке вдруг приникает лицом к стене; плечи его дрожат и руки царапают камень... Среди многих других имен он прочитал имя жены и ребенка. Как будто пытается он отодвинуть камень, сломать, обрушить эту сумрачную стену, видевшую их смертную муку. Позже здесь возникает свежая, глубоко врезанная строка: „Родные!.. Клянусь беспощадно мстить".

Завод Ильича... Кучерин проходит неузнаваемыми улицами поселка. Всюду руины, пепел, еще не остывшая зола. У недостроенного магазина, исцарапанного следами пуль, горько рыдает женщина. Здесь в числе 43 металлургов был

расстрелян ее муж. Сколько знакомых, родных имен, и трудно, страшно поверить, что никогда не вернутся эти люди в смолкшие цехи. Сварщик Жихарев... Слесарь Кузякин... Папуш Николай, Марченко Петр, Ткаченко Виктор, Кравченко Александр... Десятки и сотни имен, а среди них самое близкое имя—Макар...

Трижды презренный немчик Якоби собственноручно подрывал мартены и домны. Для помощи в этом черном деле среди металлургов не нашлось ни одного человека. Немецкие саперы замешкались у домны... Якоби спешил. Он крикнул:

—Уйдите! Я сам...

Уже заложен динамит, бикфордов шнур вспыхивает в руке Якоби. Неожиданно в темном пролете цеха появляется человек. Он—в рабочей спецовке, в руке—молоток.

—Погоди-ка минутку, господин Якоби...

Стремительный прыжок, взмах руки и немец падает с разбитым черепом. Неизвестный не пытается бежать. Навалившись на немца, он душит его, грызет зубами... Саперы не успевают их разнять. Грохочет взрыв, и тяжкие обломки домны погребают безвестного героя и врага...

—Если бы только узнать имя того человека! — восторженно говорят сталевары.—Мы бы целую колонну танков, тысячи будущих машин назвали его славным именем...

В этих словах, в спокойных, деловых разговорах, которые услышал Михаил на заводе уже в первый день, звучала такая уверенность, словно сегодня, через час, через два, начиналась обычная производственная смена.

Но ведь немцы немало здесь „потрудились", немало израсходовали взрывчатых веществ. Целыми сутками работали их саперные команды. Тонны аммонала, динамита, мин—сметали, коверкали, испепеляли ценнейшие агрегаты, гигантские цехи—все, что было создано трудом поколений... Они взорвали электростанцию, доменные и мартеновские печи, газогенераторы, прокатные станы, литейный, машиностроительные и другие цехи, на поселке разрушили институт, больницы, детские ясли, все школы, сотни рабочих квартир...

Тысячи людей были угнаны в немецкое рабство. Пятьдесят тысяч расстреляны за городом, в противотанковом рву. Особенно беспощадны были немцы к металлургам, кадровикам. Как видно, крепко запомнилась оккупантам мариупольская сталь.

В эти первые дни, когда из-за Кальмиуса, на Бердянск,

на Геническ, на Крым прошли наши победоносные батальоны,—здесь, у обрушенных корпусов завода собралась малая горстка людей. Вокруг еще дымились фантастические руины. С обгорелых, сорванных перекрытий свисали застывшие ручьи стекла. Словно железные заросли поднималась спутанная арматура над глыбами взорванного бетона. Небольшая группа оборванных, молчаливых людей, стоявшая среди этих гигантских развалин, могла показаться бессильной и жалкой перед такой громадиной беды...

Первый удар молотка и первый камень, подняты с пожарища—были сигналом к началу великой страды. С каждым днем выростала первая, добровольная бригада. Со степей, зачаженных дымом войны, из дальних, глухих селений, с давно уже затихших рыбных промыслов— мелкими группами и в одиночку возвращались люди на родной завод. Они не спрашивали ни о квартире, ни о зарплате, ни о хлебе, ни об инструментах... Они вырывали из пепла уцелевшие станки, бережно собирали отдельные детали, разрывали нагромождения камня, поднимали стены цехов...

С платформ уже выгружались израненные в боях бронемашины и танки. Не следовало раз'яснять, что это—самый срочный заказ. С каждым днем все дружней, все уверенней наростал, становясь могущественным, как прежде, звонкий и яростный ритм труда.

Среди первых, вернувшихся на завод мастеров, был и Михаил Кучерин. Были и другие товарищи Мазая,—Махортов, Шкарабура... Когда они дали первую плавку,—тонны отличной, боевой стали,—они назвали эту сталь мазаевской...

В Крыму и за Днестром, в Карпатах и на Висле, в Восточной Пруссии и у озера Балатон, за Одером, за Нейсе и в поверженном Берлине—мазаевская сталь нещадно громила фашистскую немчуру, жгла и кромсала их „пантеры", „тигры" и „фердинанды", рушила долговременные пояса обороны, сметала с земли сооружения, которые немецкие специалисты считали неприступными.

Кучерин не спроста называл свою вахту мартена фронтовой. Здесь также проходил передний край. Здесь ковалась победа. С фронта, уже ставшего далеким, сталеварам, прокатчикам завода им. Ильича бойцы и офицеры присылали десятки писем.

Большой личной радостью для Михаила было письмо, присланное с фронта Героем Советского Союза гвардии полковником Барабашем.

Мазаевская сталь не только крушила оборону противника. Она прикрывала наших воинов надежным, броневым щитом. Понятна высокая гордость сталеваров. Незримо они находились в передовых наступающих частях... Понятна и гордость Михаила Кучерина:—первым, после Макара Мазая, на мартенах, только что вставших из пепла, он дал такие высокие с'емы стали, какими гордился его друг и учитель—Мазай.

Прошли считанные месяцы с того памятного часа, когда на пустынную территорию завода возвратились его мастера. Но завод уже работал полным ходом. Один за другим вступали в строй мартеновские печи, прокатные станы, цехи чугунного и стального литья, трубосварочное производство, огромное вспомогательное и ремонтное хозяйство, —весь могущественный комплекс металлургического гиганта волей своих испытанных мастеров заново встал из руин.

Большая и почетная роль выпала на долю сталеваров в творческом подвиге ильичевцев. Этот подвиг отмечен приветственной телеграммой товарища Сталина:

Мариуполь, завод им. Ильича.

Товарищам ***Гармашеву***, ***Ковачичу***, *Пятунину*, *Попову*.

Поздравляю рабочих, инженеров, техников и служащих мариупольского завода им. Ильича с успешным восстановлением завода и вводом в действие мартеновских печей, прокатных станов, трубосварочного, стале-фасонолитейного **цехов.**

Ваша работа по скорейшему восстановлению завода имени Ильича оказывает большую помощь Красной Армии в ее борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Желаю вам, товарищи, успехов в дальнейшей работе.

И. СТАЛИН.

Еще в тот первый день, когда возвратясь на завод Кучерин прошел вдоль знакомых мартенов, вспомнились ему завет Макара Мазая, его слова о директорском чувстве...

Еще тогда Кучерин сказал Махортову:

—Слава Макара Мазая— наша слава... Будем работать, как Мазай...

VIII. ПОБЕДИТЕЛИ.

Строя планы работы, заглядывая в завтрашний день, старый мастер Махортов обычно обращался к цифрам.

— Даже в таблице умножения,—говорил он Кучерину,

—нужно с душой разобраться. В чем ее важность? В чем значение? Простая цифра кого затронет, если нет в ней потребности, интереса? Другое дело, если бьется в ней жизнь. Мы говорим о работе сталевара. Как будто и не очень-то важное дело, как трудится один человек? А вот давай посчитаем: велика ли она, сила одного человека? Твоя пятилетка — это 12500 часов. Срок порядочный; на сколько же обычных плавок его хватит? Если каждая плавка продлится по 11 часов, значит это, брат, 1100—1200 плавок! А сколько дадут 1200 плавок стали? Наши ребята уже высчитывали: это—84 тысячи тонн стали! Ты представляешь, Миша, что можно построить из этой стальной горы? Целый завод... Целый город!.. Вот что значит один человек!

Размахивая своими цифровыми выкладками, Махортов все более увлекался:

— Макар это хорошо понимал... Он сократил сроки плавок и, значит, поднял эту гору еще на тысячи тонн. Ведь если, скажем, не 11, а только 8 часов определить в среднем на плавку и удержать это время, как законную норму,—ты сможешь дать еще столько металла, что его хватит на постройку тридцати доменных печей! Вдумайся хорошенько: какое это богатство—тридцать доменных печей. И рождено оно, богатство это,—твоими руками, мыслью твоей...

— А если все сталевары Донбасса тоже снизят сроки плавок? Тут, брат, такие цифры идут, что прямо душа трепещет!.. А ведь Макар выдавал плавку, помню, за 6 часов 50 минут... И, помню, снял он по 13,4 тонны с квадратного метра пода печи... Значит, если только приблизиться к нормам Мазая, всем нашим сталеварам приблизиться,—мы дадим стали на десятки гигантских заводов и на десятки городов... Это будет, Миша, только дополнительная, сверхплановая сталь!..

Невольно вспомнился Михаилу давний задушевный разговор с Макаром синим вечером, после смены. „Мало одной моей удачи, в которую я верю, которой добьюсь. Нужно, чтобы и на соседней печи была такая же удача. Не только сегодня, а и завтра, и послезавтра—всегда. Вот, действуй на соседней печи. Мы то одна семья и общее наше дело!..

Так говорил Макар. А этот разговор с мастером Махортовым был словно продолжением той памятной беседы. Старого сталевара тоже увлекала мечта о новых прекрасных городах и заводах, встающих над руинами войны,—не про-

сто увлекала,—он ею жил, а цифры подтверждали ее, как правду.

Не день, не два Кучерин готовился к своим рекордам. Не раз совещался он с Махортовым, с мастером Васильевым, с начальником цеха Калужским. „Важно, чтобы удача была не только сегодня, а и завтра, и послезавтра,—всегда". Это означало строжайшую борьбу за время, за каждую минуту в подготовке и процессе плавки, и многое еще другое, что утвердил своим примером Мазай.

Что было особенно радостно для Михаила—это внимание и помощь мастеров, как будто не он один,—весь цех, весь завод готовился к испытанию.

К этому времени не один Михаил Кучерин изыскивал методы ускорения плавок. За скоростные плавки брались лучшие сталевары завода: Хромов, Селютин, Рыбалко, Хороман, Щукин, Лут. Начальник мартеновского цеха Евгений Алексеевич Калужский напряженно и тщательно изучал вопрос: как повысить тепловую мощность и, одновременно, увеличить стойкость мартеновских печей.

Полностью применить методы ведения плавок, которые утвердил Макар Мазай,—теперь оказалось невозможно, так как сами условия работы на заводе резко изменились. Сталевары первого цеха до войны работали на жидком чугуне. Но немецкие захватчики разрушили доменные печи. Домны еще не введены в действие. Мастерам этого цеха пришлось заново осваивать методы ведения плавок на твердой шихте. Это, конечно, отразилось на сроках каждой плавки.

Кучерин и раньше плавил сталь на твердой шихте. Дополнительное время, которое затрачивалось на расплавление при этом способе, ничем, казалось, нельзя было наверстать. Естественно, что и с'емы стали здесь не были такими высокими, как в цехе, где работа велась на жидком чугуне.

Что же оставалось? Успокоиться на старых, „узаконенных" нормах? Как поступил бы при таких обстоятельствах Макар Мазай?

Конечно, он искал бы новых методов повышения с'емов стали. Теперь это был вопрос работы не одного цеха, но всего завода. Если ему, Кучерину, удастся утвердить скоростной метод плавок на твердой шихте,—за ним пойдут все мастера мартенов, а это даст дополнительно тысячи тонн металла.

Существует одна большая опасность: срок действия мартеновской печи между холодными ремонтами, при скоро-

стных плавках, может резко сократиться, сведя на нет весь производственный эффект. Частые ремонты печей стоят огромных средств и приводят к потери многих сотен тонн металла. Значит, важно не только добиться высоких с'емов при скоростных плавках, но и продлить срок действия печи.

Задача ответственная, сложная, — удачное решение ее стоит миллионы. Следует потрудиться над этой благодарной задачей, не жалея ни времени, ни сил.

Сталевару важно знать доверенный ему агрегат в совершенстве. У старых мастеров недаром сложилась поговорка: „У каждой печи, как у человека, свой характер". Нужно знать все особенности печи, ее „уязвимые места", участки, на которых она лучше плавит.

Секрет, успеха, однако, не только в этом. Есть множество „подробностей", которые, в сумме своей, обеспечивают успех. Сталевар одного поколения с Мазаем, участник мазаевского соревнования, Кучерин успел накопить большой творческий опыт ведения скоростных плавок. Свои первые скоростные плавки, достигнутые еще при Мазае, он называл лишь „пробой сил". А теперь непрерывное новаторское беспокойство, это творческая страсть, унаследованная от Мазая, выдвигала его зачинателем нового, производственного движения металлургов.

Подводя итог своим наблюдениям, неоднократно проверив эти наблюдения на практике, Михаил Кучерин записывал основные правила ведения скоростной плавки. Несколько позже, в книге: „Как я варю сталь",—он рассказал сталеварам о своих исканиях и достижениях.

В эту ночь, вступая в ответственнейшую вахту, он установил эти правила в своей бригаде, как закон.

„Поддерживай печь в исправном состоянии: из-за недосмотра может случиться крупная авария!

Прийдя на смену, распроси у сменщика о состоянии печи-подины, откосов, свода, насадок, перекидных устройств, контрольно-измерительной аппаратуры, коммуникаций, фурм, форсунок, системы управления и охлаждения, подачи топлива. Все, что можно, проверь лично. Заметив неисправность, устрани ее или потребуй, чтобы это сделали.

Будь требователен к себе и к своим сменщикам!..."

„... Четко распредели обязанности между подручными! Сталевар только тогда может работать спокойно, если он уверен в своих подручных. Каждый подручный должен точно знать свою роль в ведении процесса.

Твердая дисциплина, требовательность и исполнительность —непременные условия скоростных плавок.

Во все периоды плавки следи за работой форсунок, давлением мазута и воздуха за правильным распылением мазута, за состоянием факела пламени. Факел должен быть светлым и резким...“

Кучерин немало поработал со своей бригадой, чтобы эти и другие правила стали в ней непреложным законом. А теперь предстояла решительная вахта,—как бы проверка и оценка всех его исканий, всего его труда.

В ночь с 7 на 8 апреля Кучерин раньше обычного явился на завод. Предстояла ответственная вахта,—первая, мазаевская вахта после войны. Уже в первые минуты, когда началась завалка, Михаил отметил четкую, слаженную работу бригады. Вместо намеченных графиком трех с половиной часов операция заняла только 2 часа 15 минут. Кучерин хорошо помнил совет Мазая: „Хочешь получить больше стали, хочешь, чтобы плавка шла быстрее—давай больше тепла“.

Во время завалки Кучерин удерживал форсированный тепловой режим: вместо обычно принятых 1.100—1.200 градусов температура печи достигала теперь 1.600 градусов. Он тщательно следил за регламентом загрузки материалов, не упуская ни одной подробности в ходе плавки,—за поведением шлака, за выгоранием углерода, за удалением из металла фосфора и серы.

Помня, какое огромное значение имеет тепловой режим печи, он не увеличивал излишне расход топлива, стремясь увеличить главное—коэфициент его полезного действия.

Хорошо знакомые сталевару физико-химические процессы, происходящие в печи, управляются не только по регламенту времени. Если бы все дело заключалось в определенном расчете минут и часов,—оно оказалось бы несложным, искусство сталевара. Старые мастера мартенов говорят, что не бывает плавок в точности похожих одна на другую. В чем же эта непохожесть, если наши сталевары изодня в день, из месяца в месяц дают указанную анализами качественно лучшую в мире сталь?

Эта непохожесть не только в весе плавок и не только в сроках, определяющих начало, течение и завершение плавки. От часа к часу, от минуты к минуте, в течение которых варится металл,—сталевар должен знать каждую подробность и особенность процесса, происходящего в печи,—

тонны кипящего металла и шлака подчинены его воле, его опыту и знаниям, и промедление или поспешность, или малый недосмотр могут привести подчас к огромным последствиям.

Труд сталевара—высокий, творческий труд. Он требует неослабевающей бдительности, находчивости, определенных волевых качеств, мобилизации опыта и знаний. Он требует еще и организаторских способностей, так как у огромной мартеновской печи человек работает не один. Слово мастера моментально должно претворяться в дело. Понятно, что если мастер колеблется, если он не уверен в себе, кипящая сталь не будет ждать его запоздалых решений.

С особой увлеченностью вел эту плавку Кучерин. Он любовался своей бригадой. Так работали люди с Мазаем. Они понимали каждое движение его, каждый жест. Уже прогрета шихта,и сразу же подана в печь железная руда. Просмотрев анализ, Михаил вносит коррективы. Затрата мазута во время кипения сокращается на тысячу... тысячу трista литров в час... Это—компенсация за увеличенное количество топлива, поданное во время завалки. Однако это не только компенсация: высокая температура, взятая в начале процесса варки—значительно ускорила весь ход плавки. А это—экономия времени,—скоростной метод, дающий дополнительные тонны металла.

Срок плавки определялся в 10,7 часа. Плановый с'ем стали с квадратного метра пода—6,3 тонны...

Кучерин закончил плавку за 7 часов 55 минут. Он снял по 10,1 тонны металла с каждого квадратного метра пода печи и еще сэкономил 3 тонны мазута.

Уже 9 апреля он выдал очередную плавку за 7 часов 40 минут. Через несколько дней он перекрыл и этот рекорд.

Все ближе мазаевские цифры. Все уверенней стиль работы. В мае он дает 3 скоростных плавки. В июне—11, в августе—19...

Имя Михаила Кучерина становится известно на всех металлургических заводах страны. Он дает плавки за 6 часов 45 минут, за 6 часов 10 минут. Он перекрывает рекорд Макара Мазая, посвящая ему эту победную вахту. Сталевары Сталино, Константиновки, Макеевки, Енакиево, Краматорска,—весь металлургический Донбасс,—подхватывает трудовой почин Михаила Кучерина.

Из Магнитогорска, с металлургического завода имени

Сталина, знатный сталевар Махмуд Зинуров прислал Кучерину телеграмму:

„Мариуполь. Редакция газеты „Приазовский рабочий", для сталевара Михаила Кучерина.

Уважаемый коллега по профессии!

Радуюсь, что ты, Михаил Емельянович, первым, следуя славным традициям Макара Мазая, высоко поднял знамя социалистического соревнования металлургов нашей Родины. Конечно, и я не последний сталевар. В первом квартале текущего года сварил 625 тонн стали сверх плана. За восемь лет работы сталеваром научился делать большие с'емы с квадратного метра пода печи. Но таких успехов, как достиг ты, Михаил Емельянович, на твердой завалке, ни я, ни мои товарищи еще не знаем. А желание перекрыть твой рекорд, откровенно сказать, у нас имеется.

Вот почему я решил вызвать тебя, товарищ Кучерин, на социалистическое соревнование. Обязуюсь к концу года выплавить сверх плана 3.000 тонн стали и в июле сварить не менее 21 скоростной плавки.

Жду твоего, товарищ Кучерин, ответа.

Арбитром соревнования предлагаю избрать городские газеты „Магнитогорский рабочий" и „Приазовский рабочий".

Махмуд Зинуров.

Сталевар-скоростник первого мартеновского цеха Магнитогорского металлургического комбината".

Кучерин немедленно ответил Зинурову:

„Магнитогорск. Редакция газеты „Магнитогорский рабочий" для сталевара Махмуда Зинурова.

Дорогой товарищ Зинуров!

Твой вызов на социалистическое соревнование принимаю. Доволен тем, что ты и твои товарищи решили перекрыть мой рекорд. Но в то же время постараюсь не уступить первенства.

Знай, уважаемый Махмуд, что слово мариупольского сталевара—верное слово.

Со своей стороны обязуюсь: ежемесячно выдавать стали сверх плана десять процентов; экономить двадцать тонн мазута; довести стойкость мартеновской печи по своду до пятисот плавок и к 29-й годовщине Великого Октября выполнить задание первого года новой пятилетки.

Дорогой Махмуд! Передай привет всем мартеновцам Магнитогорска. Крепко жму руку.

Михаил Кучерин

Сталевар Мариупольского завода имени Ильича".

На всех заводах страны с невиданным под'емом развернулось соревнование металлургов. На заводе имени Ильича была найдена уцелевшая книга Макара Мазая „Записки сталевара". Вечерами, свободными от работы, ее читали и перечитывали в каждой бригаде. Недаром казалось мастерам мартенов,—он среди них, беспокойный, пытливый, зовущий,—их друг, Макар Мазай...

Через несколько дней после того, как Михаил Кучерин выдал свою первую скоростную плавку, сталевары соседнего завода—„Азовсталь"—Виталий Аврамов и Степан Смотров в мощной, качающейся мартеновской печи сварили скоростную плавку весом в 341 тонну за 12 часов вместо 18 часов 30 минут, сняв с квадратного метра пода печи 11,5 тонны при норме в 6,5 тонны.

У мартенов, где работал Кучерин, за скоростные плавки начали бороться и старики-сталевары и молодежь.

Кучерин продолжал работу в тесном, творческом контакте с инженером Калужским. Большой знаток мартеновского дела Калужский настойчиво искал методы продления срока действия печи. Нужно было отыскать новую огнестойкую массу, которая предохранила бы свод печи. Он испробовал самые различные огнеупорные материалы: маршалит, динасовый порошок, разные пески в многочисленных составах с растворителями. Однако все эти пробы не давали результата: огнестойкая масса к своду не прикреплялась. Калужский решил испробовать новый раствор. Раствор был нанесен на свод и, под действием высоких температур, накрепко приварился к кладке свода. Он стал прекрасной броней, защитив это, наиболее уязвимое место печи, обеспечив значительно более длительную ее службу.

Вместе со старшим мастером по ремонту печей тов. Челядниковым и старшим мастером цеха тов. Шарудой они внесли значительные изменения в конструкцию печи, технически усовершенствовали ее.

Кучеринское движение за скоростное ведение плавок— потребовало дальнейшего технического прогресса и указало этому прогрессу конкретные пути.

Что было особенно радостно для Кучерина — успехи

знакомых и не знакомых его друзей-сталеваров. В этом и заключалась сущность начатого им движения, его государственный масштаб.

7 января 1947 года печь Кучерина была остановлена на ремонт. Она выдержала рекордное количество плавок—по своду 317 и по насадкам—557. Это была победа не меньшая чем сокращение длительности плавок до 7 — 8 часов. Печь без ремонта выплавила небывалое количество стали.

В самом Мариуполе сталевар „Азовстали" Дмитрий Мазалов выступает творческим соперником Кучерина. На 2 часа 45 минут раньше срока он дает плавку весом в 360 тонн. В течение десяти дней он дает пять скоростных плавок. Это значит—17 вагонов стали сверх плана.

В июне этого года Мазалов дал такое количество сверхплановой стали, какое вполне достаточно для постройки двух больших доменных печей. Однако, сталевары Константиновского завода им. Фрунзе оказываются впереди. Здесь Николай Кулешов из 12 плавок дал 11 скоростных...

Значит, далеко еще не достигнуты пределы роста в могучем трудовом процессе, рождающем сталь. Творческая мысль сталеваров ищет и находит новые методы, неизмеримо повышающие выплавку стали. Это завет Макара Мазая претворяется в жизнь: „Я для семьи работаю и о семье своей бесчисленной думаю... Мы ведь одна семья, и общее наше дело!.."

Вечерами над городом металлургов вспыхивают зарева плавок. Далеко они видны в море, даже на дальней кубанской стороне... Золотыми зорями полыхает Приазовье, — это рождается сталь.

Вот они перед нами, пылающие мартены. Они стоят величественной шеренгой, наполненные бурно кипящим металлом. Под гулкими сводами цеха неторопливо движется громадина—мостовой кран. С удивительной легкостью несет он огромный ковш, полный расплавленного металла. Бурным потоком чугун устремляется в печь...

Вдоль цеха паровоз подтягивает эшелон вагонеток с железным ломом. Подходят завалочные машины, они поднимают тяжелые мульды, проносят к открывшейся печи и опрокидывают их в яростно бьющее пламя. Весь цех озарен густым и трепетным светом, как будто захлеснут вырвавшимся огнем.

У этих громадных печей под могучим, медленно движущимся краном, — спокойный, уверенный стоит Кучерин. Он—в дружбе с огнем. И огонь покорен его воле. Вот он бесстрашно подходит к самой печи, не обращая внимания на осыпающие его огненные брызги,—и смотрит сквозь синее стекло в ослепительно кипящий стальной бурун.

В циклопическом мире металлургического гиганта он кажется таким малым, человек. Рядом бурлит и клокочет яростная стихия металла. Если она прорвется и хлынет в цех... Нет, все здесь покорно воле мастера-сталевара. Только движение руки, и ему послушны машины. Только взгляд, —и помощники на местах.

Во всей этой обстановке и в этом мужественном труде как бы угадывается атмосфера боя. Так совершают свой ратный подвиг воины на боевом корабле. Громыхает металл... Вспыхивает яростное пламя... Не расслышишь слова команды... Пахнет порохом... Снова и снова вспыхивает огонь... Но люди уверенно, методично выполняют каждый приказ командира...

Это тоже сражение. Но сражение за металл. За дальнейший расцвет и могущество Родины.

Победители горных недр, морских глубин и заоблачных высей, неустанные искатели, строители и творцы, труженики, строящие справедливый и радостный мир на земле, —люди страны Советов — ценят труд своих арсенальцев— сталеваров.

Наша сталь — это оружие тружеников и ученых. Это оружие воинов, испытанное в боях.

Как утро завтрашнего дня, что принесет нам новые победы, радостны эти зори плавок над отвоеванной родной землей.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

4509

Цена 3 руб.